

O'lagini

Дедби
ингуцо

M

Олег Шадрин
Деды в индиго

«Aegitas»

2009

УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос-Рус)6-7

Шадрин О.

Деды в индиго / О. Шадрин — «Aegitas», 2009

ISBN 978-0-3694-0313-1

Это нежный по сути и дерзкий по форме роман из жизни безработных-пенсионеров и их друзей, наполненной волнительными ароматами загадочных приключений. Крепкий настой из без того круто заваренных отношений главных героев отягощает появление нового таинственного персонажа... Что можно сказать о данном произведении? Бутилировано со вкусом! Книга создана в лучших традициях жанра детективного иронифа. Триллер-антистресс, антидепрессант. Обладает ярко выраженным эффектом сокращения гладкой мускулатуры живота и челюстей. Подавляет фермент хандроксиназу, купирует образование тоскикотрофных шлаков, препятствует появлению синдрома плаксософии и нытьёреза. Надежный блокатор Х-похмеласутравиновых рецепторов. Спазмоскуло- и икоген. В случае локального применения способствует ремиссии симптомов стабильного опупеоза. Соблюдайте разумную дозировку при беременности, и схватки гарантированы. Мужчинам после сорока рекомендуется ограничить употребление в связи с возникновением опасности пупковой грыжи. Прием во время еды в общественных местах чреват произвольным выбросом недожеванной пищи (смехогортанный поперхоз). При курении сохраняется риск глотательного рефлекса и задымления желудка. Умеренное упоение допустимо и приветствуется Минздравом. Прием 3–4 раза в день натощак или после еды. Противопоказаний и побочных эффектов не наблюдается. Следуйте рекомендациям на упаковке, и всё будет в порядке! Спрашивайте в магазинах и книжных развалах. Гриф секретности снят!

УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос-Рус)6-7

ISBN 978-0-3694-0313-1

© Шадрин О., 2009

© Aegitas, 2009

Содержание

1	6
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	17
Глава 7	22
Глава 8	24
Глава 9	27
Глава 10	28
Глава 11	37
Глава 12	41
Глава 13	43
Глава 14	44
Глава 15	54
Глава 16	55
Глава 17	56
Глава 18	57
Глава 19	58
Глава 20	59
Глава 21	61
Глава 22	62
Глава 23	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

О'Шадри Деды в индиго

*Выражаю благодарность за выпуск книги «Деды в индиго»:
издательскому сервису Aegitas, лично Эрнсту Хачатуряну.*

1

encoding and publishing house

The logo for Aegitas, featuring the word "aegitas" in a lowercase, blue, sans-serif font.

© О.А.Шадрин, 2009

© РИЦ "ИнфорЭМ", 2009

© Издательство «Aegitas», 2020

Глава 1

7.25

...ю! – на этой горестной мысли поймал себя Бодуненц, оказавшись в самой середине лужи.

– Молодой человек, – раздался женский голос.

– Вы мне? – спросил Савелий, озираясь по сторонам. Странно, но рядом никого не было.

– Вам, вам, – хихикнул голос.

– Ну, не такой и молодой, – смущенно парировал Бодуненц, хотя в душе дагестанским коньячком разливалась щемящая теплота – до пенсии-то рукой подать.

– Не поднимете вон ту сумочку у газона?

– Одну секунду!

Осталось только выбраться из этой противной лужи. Но как? Вперед или назад? А-а-а! Ноги всё равно безнадежно промочены. И Бодуненц на одних каблуках заковылял к газону. Затем, обогнув край лужи, он передал сумочку выбежавшей невесте откуда симпатичной девушке.

Та одарила Бодуненца забываемым взглядом огромных глаз.

– Спасибо пребольшое! Оксана, – в награду она назвала свое имя.

– Оксана, Оксана, – повторял чудесное имя, как заклинание, Бодуненц по дороге на работу.

* * *

Люлипупенко фланировал по кромке тротуара.

На голове его красовалась новенькая тубетейка с ленточками и надписью «Gold Man». В горле пересохло от скуки. Стоп! А кто это, кто это выбежал из третьего подъезда? Ба! Дружище Бодуненц. Вот так удача!

– Слушай, «девяносто-шестьдесят-девяносто» – это не про твои мозги? – вкрадчиво прошептал Люлипупенко.

* * *

Мариша, жена Малярчука, пенсионера с седьмого этажа основательно заперла дверь снаружи на недавно установленный кодовый замок.

– Чтоб не выскочил, окаянный, – успокаивала она себя, спускаясь по лестнице.

Малярчук тем временем уныло уставился в телевизор, подобрав под себя ноги в шлепанцах. Безнадега. По ящику показывали передачу для первоклассников, но ему было всё равно. Да еще чевой-то теснила новая китайская пижама.

Кошка Моня, по обыкновению, пристроилась на коленях.

К тому же жинка, как всегда, куда-то задевала пульт от телевизора. Ведь так спрячет, чага, ни за что не найдешь – полдня проищешь, и окажется где-нибудь под матрасом...

Жена Малярчука вышла из подъезда. На тротуаре некто Люлипупенко, словно стоя цыганок, охаживал Бодуненца.

– Как здоровье? Мозги не давят на желудок? – продолжал Люлипупенко обработку соседа по дому.

И тот сдался:

– На, полтинник, на работу тороплюсь... Ну вот, всё-таки, опоздаю! – на этой горестной мысли поймал себя Савелий, оказавшись в самой середине лужи.

* * *

– Я – в баню, – так отреагировал Никеш на появление Бодуненца в проеме лифта.

Кроме Никеша в лифте также был Лева Смолянский.

– Я – в баню, – затравленно повторил Никеш.

– Паровозного тебе пару! – искренне пожелал Лева. – Но сначала мне вверх.

– Я – в баню, – снова пробормотал Никеш и призадумался. – А зачем?..

– Не успею, – удручился Бодуненц и выпрыгнул из лифта, а затем бросился по ступенькам лестницы бегом вниз, где его случайно встретил почти у самого подъезда Люлипупенко.

Глава 2

8.00

Оперативка началась ровно в 8.00.00. Их Величество оглядели ряды своего плебса.

– А где Бодунцы? – взвизгнули Они верхним фа Витаса.

– Не могу знать, – вытянулся мастер Проктер (*мастер Прохоров, есть еще фрезеровщик Прокопчиков – не путать, прим. автора*).

– Так найти! Не-мед-ля!! – и Они кинулись в Проктера пачкой мобильников.

– Слушь-сь!

– Немедля! – затопали ножками Их Величество.

Но не успел мастер схватить телефоны, как в кабинет на всех парах ворвался Бодуненц.

– Простите, Александр Леонхардович, кажется, опоздал немного, – холодея, выдохнул он.

Директор лицея Александр Леонхардович Кольцов щелкнул секундомером:

– Ты у своих товарищей прощенья проси, не у меня! Их драгоценное время потратил.

О, да это просто рекорд опоздания – девять целых и пятьдесят четыре сотых. Для плаванья «топориком» – олимпийский рекорд!

И затем рявкнул:

– Ты опоздал на девять пятьдесят четыре – как это... Пони... мать! И сие пример для учащихся, наихудший пример!

Бодуненц сжался в комок.

– В России есть две главные беды...

– Бодунцы и дороги! – хором проскандировали Проктер энд Гембл (мастер Прохоров и его подмастерье Глеб), упреждая мысль Их Величества.

– Всё так, – одобряюще кивнули Они.

Остальные «полчасы» Их Величество запекали проклятия в адрес Бодуненца. А затем надолго успокоились – день прожит не зря.

* * *

Люлипупенко, честно заработавший своей харизмой полсотни, тотчас направился к киоску «Диана».

У входа уже толпился Вадик Дулепистый.

– Привет, соседос.

– Здорово, Арни. Баки е?

– Вот, родимые, – помахал синенькой бумажкой Люлипупенко.

– Да ты, смотрю, олигарх!

– Не без того.

– Как всегда, лангет и омары? Или что-нибудь позаковыристей? Скажем, по маленькой.

– Склоняюсь к последнему.

* * *

Лева Смолянский шел с ночного дежурства. Домой. В лифте к нему запрыгнул Никеш и попытался изменить маршрут, а потом Бодуненц, но безрезультатно – удалось отвадить. Всё. Скорее спать. Перед тем на улице он встретил скучающего Люлипупенко, а еще ранее – Витька-Гагулька – в одиночестве терся у газона.

- Ты ничего на работе не забыл? – ощерился Витек.
- Да, вроде, нет.
- А на ногах?
- Лева и не заметил, как по ходу не снял с ног синие пластиковые бахилы.
- С тебя десятка! За образ! – рубанул Гагулёк.
- Ща, разбежался!

* * *

Дело в том, что у Никеша затевался крутой евроремонт. Еще полгода назад. И закончился недавно. Почти. Никеш до сих пор от краски не отмылся. Сами понимаете, в баню сходить, особенно когда нет горячей воды, да что греха таить, и холодной – святое, святее не бывает. Вернее, бывает – встреча с друзьями... Но не в этот раз.

* * *

Шуран Кисельков вышел к первой полупаре в гунитет. Затрусил по двору до остановки. Вот Люлипупенко, деловито мусолящий полтинник. Вот стоящий у газона Витек-Гагулек. Вот жена Малярчука, спешащая в булочную. Вот ускользящая доплеровским эффектом спина Бодуненца... Опаньки! Прямо в лужу! Финиш! Приплыли! А плавать-то мы не умеем. Вот Никеш, чешет тело в раздумьях – мыть или не мыть? Почти как у шекспировского Гамлета. Вот Музян, сидит на лавке прямо по курсу.

- Не Шуран ли Кисельков? – поднял брови Молик.
- Он. В первоестественном состоянии.
- Привет, студёный. Степаныча дают?
- Здравовась, коль не шутите. Пока дают.
- Ну, садись. В ногах зачетки нет. Рассказывай, как до жизни такой докатился.
- А че рассказывать? Всё как у всех. Экзамены-переэкзамены. Зачеты-перезачеты. Долги-передолги.
- И у меня. Видишь, от корешей за кустом прячусь. Дай сорок блей.
- Только сотня, – порывшись в карманах, сообщил Кисельков. – Остатки стипы.
- Экспроприрую. Буду должен. Пора.

Глава 3

8.40

Бодуненц решил, что после столь горячей оперативки вполне можно подсушить промокшие ботинки и носки.

Носки он аккуратно разместил на включенном электрочайнике, а ботинки развесил на циркуле, установив его перед обогревателем. Раз Бодуненц преподавал в лицее начертательную геометрию, то такого добра, как циркули и транспортиры, у него было хоть ложкой ешь.

Вошли мастер Прохоров с подмастерьем Глебом.

Проктер энд Гембл вальяжно спросили:

– Послушай, геометр. Нарисовал?.. О, аппетитный бутылек!

Понюхали – на спирту. Бодуненц не успел моргнуть глазом – глотнули.

– Крепкая штучка. Экстази! Что это?

– Японская тушь.

– Да ну? Хорошо упала!

И мастера ушли, забыв зачем приходили.

* * *

Люлипупенко и Вадик завалились в киоск. В винный отдел. Пока было затишье.

– Светики-приветики! Нам, как обычно, чеканку.

– Друзья, – нарисовался непонятно откуда взявшийся Витек-Гагулек, – две!

– Тебя каким ветром надуло?

– Давно во дворе стою, друзей караюлю.

– А вчера?

– Вчера еще был на сборах.

– Музяна не видел?

– Сховался где-то, чемодан.

– А вот и нет, – гоготнул во всю физиономию объявившийся Музян. – С меня роса – в счет долга.

Намечалась славная утренняя вечеринка...

* * *

Никеш решил: «Всё-таки в баню. Спина чешется, спасу нет. Но сперва в чипок за "веником для души"».

На входе он столкнулся нос к носу со всей гоп-компанией.

– Я – в баню, – отреагировал Никеш мгновенно.

– А если?..

– Не сегодня. В смысле, не сейчас. Сейчас надо побыть наедине с паром.

– Смотри, мыло хозяйское.

Глава 4

8.45

Позвонила секретарь Их Величества Люси.

– Господин Бодуненц, срочно зайдите к Александру Леонхардовичу! Срочно!

– Вот те на! В чем же я пойду? Носки еще сырые. Будь что будет! Одну на босу ногу.

И Бодуненц снял с циркуля полусырые ботинки.

* * *

Малярчук тем временем вспоминал, за что ему такое наказание. Было всё так. Как всегда...

Всева Малярчук не спеша вышел из подъезда.

– Пойдем, промокнем горлышко, – восторженно замурлыкал Музын, известный в определенных кругах забулдыга в первом поколении.

– Ну что, архаровцы, заждались, затомились? – распростер объятия Всева-Всевышний.

– Еще бы, – сверкнул глазами Арнольд.

Собралась вся братва: Шуран Кисельков, Саша Квартет, Арнольд Люлипупенко, Лева Смолянский, старый пензер Малярчук, «капельмейстер» Музын. В общем, полный флешмоб или мобфлеш, одним словом.

После третьего стакана Малярчук сунул руку в карман, чтобы достать носовой платок и по традиции звучно высморкаться. Но платок выскользнул из ладони и стал падать прямо в грязь. Всева норовил подхватить его на лету, но тщетно. Зато в спине что-то хрустнуло.

– Ой, поясница, – застонал Малярчук и закаменел прямо на глазах изумленных соратников: ни взад, ни вперед.

– Ты что удумал, симулянт? На тебе еще воду возить и возить.

– Ребяты, не бросайте меня. Ребяты! – заскулил Всева.

– Не кипишуйся, кореш! Пацаны, докинем его до хаты – пусть отлежится малость, – объявил Квартет.

И Малярчука понесли, как чучело медведя, на спине у Сашка.

– Тяжелый, гад! Вишь, как отъелся, – сопели мужики.

Лифт, как назло, не работал. Матерясь на чем свет стоит и задевая темно-синим малярчуковским драпом побеленные стены, ребята кое-как доставили Всеву на седьмой этаж.

Доползли, впрочем, не все. По дороге потеряли Люлипупенко между четвертым и шестым этажом. Да и на фиг он нужен – только мешался под ногами.

У дверей квартиры Малярчук прекратил стонать и стал лихорадочно озираться по сторонам.

– Мужики, это же не моя квартира, не мой дом!

– Окстись, сердешный, ты ж из него вышел.

– Это я от свояка иду.

– Ты, что, сом моржовый, чем раньше думал!

– Был в отключке.

– Бросай его и всё! – взревел Лева.

И тут Малярчук начал гнусно всех шантажировать. Вкрадчиво так:

– Шуран, ты, поди, не помнишь, как я тебя жинке на прошлой неделе не сдал. А тебя, Квартет, от мусорков спас. Левик, а ты мне пузырь должен. А ты, Арно – два. Музын, а я знаю, где ты заначки прячешь.

Что ж, придется тащить этого сома дальше в соседний дом.

Лифт там тоже, естественно, не фурычил.

Но по дороге подобрали Люлипупенко – вздремнул за мусоропроводом.

– На себе больше не поташу, – отрезал Квартет.

– А давайте его, как сайгака, на вертеле отфугуем, – хлопнул себя по лбу Кисельков.

– Точно! Вон, у Митяя-дворника и метла за дверью припрятана.

Продели древко сквозь пальто на груди и потащили дальше. Малярчук сверху. Как бы отдыхает. Ягуаром. Мордой, то бишь физией вниз. Сначала вроде ничего.

Всева даже всхрапнул на помеле, прижавшись к нему щекой. Но через пролет груз развернуло на сто восемьдесят градусов, и Батумыч брякнулся башкой о бетон.

Переладнили метлу на спину. Руки засунули в карманы, чтобы не свешивались. Опять ноги по полу волочатся! Какие-нибудь тесемки бы. Достали из Левиных ботинок шнурки. Привязали ими Всеву за ступни и кисти. Вот теперь надежно!.. Но. Но всё одно, тяжело.

Несколько раз уронили ношу, и радости не было конца: получай по заслугам, хлопец!

После третьего марша Шура остановил ватагу:

– Так дело не пойдет, Всева головой о ступеньки запинается. Шляпа всё время слетает. Еще простудится, не к нам сказано. Нужны какие-то новации.

Парни наморщили лбы.

– Есть одна идеяка, – поцокал языком Музын. – Помню, у нас в разведке пленных на черенке лопаты носили «чемоданчиком», продев шанцевый инструмент между коленных сгибов и шей. Никакие завязки не нужны. И голова при теле.

– Это как?

– Покажу в динамике. А ну, садите Батумыча на ступеньку. Колени пошире.

– Приехали что ли? – приподнял веки Всева.

– Ага, почти. Посмотри-ка, что у тебя там между ног болтается, – скомандовал Молик.

– Где? – выкатил глазенки Малярчук.

– Где-где? В «Улан-Уде». Ниже голову. Цоп! Ну вот всё и готово, – с этими словами Музын споро продел черенок сквозь Малярчука. Нанизал, как курицу-гриль на шампур.

– Ловко замучено, ничего не скажешь, – пробасил Смолянский.

– Потерпи чуток, скоро дома будем, – успокоили Всеву пацаны и дружно покантовали дальше.

С шестого этажа между тем какая-то братва спускала вниз диван: то ли ворюги квартиру обнесли, то ли кто из местных переезжал.

Между пятым и шестым этажом обе процессии встретились.

– Кыш с дороги! – начал метать икру здоровенный детина, таранивший переднюю часть дивана.

– Фильтруй базар, баклан! – злобно зыркнул Саша Квартет. – С авторитетом имеешь дело.

Детина в замешательстве оглянулся на мелкого.

– Для нас главный авторитет – это тот, кто платит, – оскалил зубы мелкий. – А ну дорогу, олени!

– Сам ты козерог, – поперхнулся от обиды Лева. – Вперед, мужики!

Та и другая тусовка поперла навстречу друг другу.

Наши опомнились только у чердачного люка.

– Откуда диван? – задал закономерный вопрос Шуран, обращаясь к Квартету.

Сашок недоуменно пожал плечами:

– Сам ума не приложу.

– Вставай давай! Че отлыниваешь, сачок, – это он Левику, который, оказывается, прикорнул калачиком на мягком.

– А где старый хмырькуале Малярчук? Выяснилось – уже на улице. Те самые грузчики отбуксировали его вместо дивана из подъезда к машине.

Дама, которая переезжала, обалдело захлопала ресницами:

– Вы кого, алкаши, мне сватаете? Что за фуфло?

– Как что? Диван, как договаривались, – обиделся рослый детина.

– Где ты видел, чтобы у дивана была драповая обивка? Кроме того, с пролысиной, – больно ткнула она ногтем в Малярчуковское темя. – А я покупала неделю назад новый. На что намекаете, пошляки? Что на этой плешивой скрюченной развалине можно спать?!

Грузчики стали непонимающе переругиваться матерками: «Че вяжется не по делу?»

И тут объявляются наши бухойды с мебелью.

Хошь не хошь пришлось делать ченч. Диван на Батумыча. Чего только не происходит на почве алкогольного угара!

Ну, наконец, всё. Край. Вот он заветный седьмой этаж.

Малярчука так укачало, что он видел третьи сны...

Дверь открыла какая-то дама (жена, вроде, другая была, хотя... не поймешь их в боевой размалевке).

– Женщина, примите супруга законного свово.

– Мой супруг на кухне.

– Галя, кто там? – раздался в глубине квартиры густой баритон.

– Шут их знает, алкаши какие-то.

– Малярчуки?

– Здесь такие не живут.

– Сотая квартира.

– Нет, сто восьмая. Перебор. Зря старались.

– Это ты, арифметик, считаешь только до шести, – цыкнул на Музына Левик.

– Еще два этажа вниз? Да лучше бросить его тут!

– Женщина, мы его вам оставим, а уж вы разбирайтесь с ним как хотите.

– А я сейчас мужа позову.

– Не надо мужа. Вот мужа – не надо! – догадались други. И поволокли Малярчука вниз.

Легче как-никак.

– Стоп! – крикнул Малярчук, чуть-чуть приоткрыв один глаз. – Моя дверь, приехали.

Прислонили задремавшего Всеву к дверному косяку.

– Ключ? – замычал Батумыч и ткнул пальцем на карман.

Вынули из кармана ключ.

– Тут уж я сам.

Он взял его и вставил в замочную скважину. По-барски махнул рукой. Мол, свободны, люмпены.

– С тебя поляна! – метнул глазами молнию Квартет.

– Само собой.

Чертыхаясь на чем свет стоит, пацаны побрели во двор. Сорвал, стервец, общественное мероприятие...

Замок, однако, не открывался...

На следующий день Малярчук объявился во дворе с многочисленными пластырями на лице – «кошка Моня». Потом сознался. Оказалось, пока он шебуршал ключом в замке, выбежала с визгом какая-то деваха. Сначала исцарапала всего, а затем до кучи облила ведром воды.

Всё-таки перепутал, сомец, с бодуна квартиру.

В первый-то раз правильно домахнули – родимую дверь не опознал. Потому как пешком он никогда домой не ходил. А с лифта и с лестницы – разные ракурсы.

Глава 5

8.47

Бодуненц поплелся к директору лица в одних штиблетах без носков.

«Что ему еще надо?» – лихорадочно соображал он.

Поскольку Бодуненц донашивал за сыном-семиклассником брюки, то белые щиколотки предательски торчали из ботинок.

Их Величество, обычно снисходящие только до мимолетного взгляда, в этот раз критически осмотрели Савелия с ног до головы:

– Одни без носок ходят, другие в ответ пупок заголяют (имелось в виду лицеистки).

Полный компресс! И мы еще боремся за звание лучшего лица города.

– Простите, забыл дома. Второпях.

– Ты в следующий раз голову не оставь! «Второпях!» – проворчало Их Величество. – К слову, начертил фланец? А то послал к тебе мсье Прохорова с Глебом. Где пропали? Ни чертежа, ни Прохорова, ни Глеба? Случаем, не заходили?

– Были. Но ушли-с!

* * *

Вся компания собралась под грибком. Люлипупенко засуетился:

– Где же я сырка «Хохланда» плавленную пластинку в кармане затерял. Это, конечно, не то что легендарная «Волна», но... (сейчас, между прочим, песня в моде, стал быть, про тот легендарный сыр: «... "Волна", новая "Волна" – скоро подо мной будет вся страна!»). Ох ты, еще десятка и пятак. На пиво. Отпад. Откуда?

Люлипупенко наморщил брови:

– Вот те на! Совсем забыл, а я ведь сегодня с семи тут манстырюсь. Жена выгнала. Столкнула с кровати. Хотя нет, впрочем. С кровати – это позавчера. Вчера я на коврик у порога ночевал. Хотя нет, это позапозавчера, но в общем тамбуре. Сегодня на лестничной площадке под распределительным щитком. «Вечно, – говорит, – это полено (из него с ее слов "мой прадед Буратино делан") под ногами мешается». И еще иногда добавляет: «Соседи пойдут – запнутя. Иди, досыпай во дворе». Но какой тут сон на теннисном столе. Вот с семи и гуляю, воздухом дышу. И тут...

Вдруг, откуда ни возмись, нарисовалась тусовка: человек семь молодняка – две девахи и пятеро парней.

Одна из девиц стала что-то зловеще нашептывать своим кавалерам:

– ...вон к этому мужику, я его знаю, он каждое утро и вечер в одном и том же месте торчит.

Вся компания стремительно двинулась в сторону Арнольда.

Люлипупенко приготовился решительно дать отмашку (в смысле, сделать ноги).

От тусовки отделилась та самая деваха и подскочила к Арнольду. Вблизи оказалась симпатная блондинка.

– Мужчина, можно вам маленький, но ответственный поручений?

– Если маленький – червонец, большой – столярник, – ответил заметно похрабrevший Арнольд.

– Да нет, маленький. Если вечером к вам такая же компания пристанет...

– Отстреливаться? До последнего патрона?

– Нет. Передайте, вот эту записку.

– И что за прикол?

– Игра такая. «Ночной дозор» называется. По-нашенски «Encounter». Поиск ночью. Квест, одним словом.

– А что в записке? Вдруг там шифровка какая «Алекс – Юстасу» или еще того хуже.

– Смотрите. Ничего криминального нет.

Она развернула свернутый вчетверо листок. На нем коряво так было написано: «Следующий кусок карты в мусорных баках у автовокзала».

– Это шутка такая? Ниче себе заданьице! Пока найдешь ее там ночью... И что, есть желающие? Я лучше черную кошку найду в темной комнате или в стоге сена.

– Надеемся, не найдут, хотя... Предыдущую в Каме спрятали на дне – нашли. А до того на телевизшке...

– Вот почему всё время по телевизору надпись была «По техническим причинам передачи временно прекращены!» – догадался Люлипупенко. – Даже жена обратно в квартиру пригласила каналы настроить...

– А еще до того в машине инкассаторской «Росинкас».

«В газетах потом писали: "Группа дерзких преступников совершила ночное разбойное нападение на сбербанковский броневик. Странно то, что все купюры оказались на месте (естественно, кроме тех, которые под шумок разобрала охрана), но всё перевернуто вверх дном"», – вспомнил Арнольд пересказ прессы в изложении Шуры Киселькова.

– Издержки игры.

– Не! Я рисковать за просто так не стану.

– Как вы сказали: «за просто так»?! А если десять рэ?

– За десять блей я даже руку из кармана не выну!

– Сколько?

Люлипупенко испытующе посмотрел на глазастую дозорную:

– Пять... Черт с вами!...надцать...

Вот откуда фантики на пиво.

Глава 6

8.54

Секретарша Люси полировала ногти. Пришатались Проктер и Гембл.

– Сами здесь?

– Здесь. Но у него делегация. Ждали вас, искали. Сейчас придется подождать.

Увидели лак для ногтей.

– На спирту, – констатировал Гембл.

И всё! Нету лака. Вслед за лаком исчезли и мастера.

* * *

Кисельков споро запрыгнул на подножку трамвая.

– Проездной, – помахал он распечатанной на струйном принтере и аккуратно заламинированной бумажкой.

«Шут с тобой, – сделала утвердительный вид кондукторша, в прошлом сметчица проектного института. У самой сын кондыбасился в сельхозе. – Все ваши уловки знаю».

В вагоне трамвая было не продохнуть. Абсолютное большинство – студенты. Половина спала, кто на сиденьях, кто, повиснув на поручнях. А кто на коленях таких же заснувших пассажиров. Причем многие с раскрытыми конспектами лекций. «Сон за книгой – лучший отдых», – висел когда-то плакат на дверях читального зала университетской библиотеки.

После остановки «Драмтеатр» на пустое место рядом с Кисельковым плюхнулся подозрительный мужик.

Из его сумки торчали рыбы хвосты.

– Не кусаются? – спросил Шура.

– Замороженные – нет, а так – да.

– Что за запах такой? – крикнула кондукторша из дальнего конца вагона. – Кто тут рыбу тухлую везет?

Все посмотрели на Киселькова, потому как попутчик с рыбой выскочил на предыдущей остановке.

– Че все на меня смотрите? Я окромя одной тетрадки и ручки ничего не везу!

– А куртка и брюки, смотри? Всё в слизи!

– Спелеолог он – вот и вывозился в пещере, поди, в рыбьей икре, – раздался чей-то знакомый голос.

– А ну, соплеолог, вываливайся из общественного транспорта, пока я тебе не помог, – взъярился клыкастый детина, приобнявший кралю с филфака.

Пришлось Шурану выпрыгивать почти на ходу и продолжать свой путь пешком. Дворами. До вуза.

* * *

Лева Смолянский завалился спать. Был на ночном дежурстве. Глаз некогда сомкнуть. На работе всё время приходилось бороться со сном. Медицинским спиртом – перорально. И луком – наружно: веки натирать.

Но сильно покемарить не удалось. Кто-то «давайдолбитьстену» – не иначе на первом этаже опять офис делают, и «тю-тю-тю, тю-тю-тю», – заливался перфоратор.

Лева закрылся подушками. Тремя. На каждое ухо.

Один черт, всё трясется. Будто в бричке по кочкам.

А если подушки под ножки дивана? Не помогает. Главное, и с дивана-то от вибрации сползаешь. Как на океанском лайнере. Придется примотать себя телефонным шнуром. Словом, днем – это не сон, а сплошное мучение... Сползать перестал, но легче от этого не стало. Трясти продолжает. Не дают, вампиры, спать!

– Натюрлих, раз вы – так, мы – так!

И Лева, схватив отвертку, бросился к силовому щитку в подъезде.

– Устрою-ка я вам короткое замыкание.

Таким же образом поступал их электрик дядя Жора, когда медперсонал лишил его законной радости – двухсот миллилитров спирта. А что операция идет или аппарат искусственной почки отрубится, или бор в зубе пациента застрянет, его это не волнует – он свои права знает. И всё тут!

Пробки повывлетали моментально – во всем подъезде. А вместе с ними отключился и автомат-распределитель.

– Мама! – раздался чей-то дикий рев в лифте.

Какие-то тупицы оказались в западне.

– От, зажигалки конопатые! Поделом вам! Не фиг от школы или вуза отлынивать. Посидите, посидите, клуши, в темноте, тогда оцените преимущества урока або лекции. Ну вот, порядок – часа два можно спокойно вздремнуть. Да даже больше! Пока там электрика дозовешься, в смысле, разбудишь, и все три-четыре, а то и пять.

* * *

Никеш подошел к бане. На фонарном столбе висел красочный рекламный щит, на котором метровыми буквами было выведено «Мужики, скорее в баню!». Ниже – старое объявление от руки: «Вновь открыто женское отделение».

– Интересно. Связанные события или нет?

Оказалось, связанные: в фойе уже выстроилась очередь из «оголодавших» мужичков. Давно он такой очереди не наблюдал: со времен дефолта в обменники.

– Кто крайний?

– За мной еще трое занимали – убежали за пивом и конфетами.

«Придется прибегнуть к помощи Митяя, банного дворника», – осенило Никеша.

Для этого и мелочишка в кармане найдется – много не берет, чай, не депутатское лобби. К тому же Митяй из-под полы березовые веники продавал недорого (но, сдается, списанные метлы).

– Проведу. Черным ходом. Через кабинет директора, – пообещал Митяй. – Кстати, у тебя знакомых много? Тут охранник просил большой цветной монитор подешовле. У него простой черно-белый. Качество не ахти. Видеокамеры-то в каждой парилке установлены. Очень нужно. Частенько подключается к интернету. На популярный сайт закачивает свои опусы. Будешь в доле.

– Надо покумекать. Думаю, помогу.

По дороге Никеш встретил и слесаря, дядю Петю Мавлюгаева. Тот шел с работы неуверенной походкой. Нехорошая примета.

Действительно. Стоило намылиться – вода закончилась и, похоже, навсегда (в смысле, до следующего дежурства дяди Пети). Хотя... как знать? И не его это вина, а ловчил типа Люлипупенко энд компани – в очередной раз латунный вентиль сперли? В прошлом году из-за этого весь дом зимой без тепла остался.

Пока искал, где краны отворачиваются, очутился в женском отделении.

...Вдруг раздался страшный визг. И на Никеша со всех сторон обрушились хлесткие удары мочалками и волны кипятка из тазиков. Кроме того, поливали какой-то контрафактной парфюмерией и шампунями.

Затем всё стихло (когда смыло мыльную пену).

Никеш приоткрыл сначала один, потом второй глаз. Оказалось, он стоял в центре «женской сборной». Коллективный заплыв всей конторой. Нью-корпоратив.

– Мужчина, вы бы хоть тазиком прикрылись для приличия, – фыркнула одна.

– А может, это стриптизер? Девки! Никто не приглашал?

– Да тут и смотреть-то не на что, – разочарованно выгнула спину вторая. – Пусть глаза закроет и отчаливает, откуда приплыл.

* * *

Уже ровно неделя, как Батумыч исчез. После столь длительного отсутствия Малярчука, успокоившись и забыв прежние обиды, ребята задались вопросом, что же с ним горемычным приключилось?

И вот им, вернее, Смолянскому «повезло» – на пороге подъезда появилась Всевина супруга с хозяйственной сумкой.

– Где наш дражайший муженек? – елейным голосом спросил Лева.

– Что? И ваш тоже? – съязвила женщина.

– Это я, стал быть, фигурально, – осклабился Смолянский. – Так где ваш муж?

Жена Малярчука зло бросила:

– Умер. Для вас! И не семафорь тут!

Эта весть так сразила Леву, что он не нашел ничего лучшего, как войти в глухой штопор...

А вдруг неправда? Но ближе к обеду встретил соседа Малярчука, почти непьющего Василия Демьяновича.

– Всю ночь стонал, бедолага, за стенкой, – припомнил тот воскресенье недельной давности. – Не иначе агония наступила. А че? Его жинке ничего не стоит и втихаря схоронить, он у нее уж третий.

От этих слов в душе Левы похолодело. И он аллюром бросился в чипок за горячим. За упокой души – прекрасный повод собраться.

Но нет худа без добра. На следующий день Полина (начальница над Дулепистым в тресте) попросила Вадика за отгул антенну уличную приладить, а заодно и краны в кухне подвинтить.

Дулепистый взял нехитрый инструмент. Сначала, пока светло, стал настраивать антенну. Сел на перекладину ограждения и случайно заглянул в соседнюю лоджию.

Там, в глубине (жена приказала не высовываться) как ни в чем не бывало дымил «воскресший» Малярчук!

Увидев его, Вадик чуть не сыграл с двадцатиметровой высоты на тротуар.

– Ты?!

– Я. Жена отобрала ключи, а с седьмого этажа – не с твоего второго, вниз не сиганешь.

– А мы уж по тебе поминки справили... Вчера. Торжественно. Всей компанией.

При словах о застолье, Малярчука прямо перекосило, всего.

– Вадя, – страстно зашептал он, – давай, вжахнем по маленькой, душа горит – туши свечи!

– Тип-топ. Спущусь к себе, принесу стопарик.

И принес.

– Давай еще!

– Несу.

– А закусь? – обнаглел в корягу Малярчук.

Пришлось тащить ему из своей квартиры сначала маринованные огурцы, потом отпечатывать шпроты, потом еще колбаски нарезать. Но тому всё было мало.

– А начхать на него! Довинчу краны и уйду.

– Вадя, Вадечка, Вадянчик! – взывал к совести Дулепистого пенсионер.

Но тот притаился в глубине квартиры, точнее, на кухне.

Кончилось тем, что Малярчук не вынес тягости ожидания и решил перебраться в квартиру рядом. К Вадику. Встал на табурет. Потом, держась руками за скользкие стены, покрытые мелкой керамической плиткой, осторожно поставил ногу на парапет, а затем попытался ее перекинуть на примыкающую лоджию. Но там точки опоры не было. Ступня провалилась вниз. При этом Всева потерял шлепанец, который спланировал прямо на асфальт.

Малярчук оседлал перила: одна рука и нога с одной стороны, другие – с другой. Шимпанзе, да и только!

Корпус снаружи висит прямо над тротуаром. И обратно-то не вернешься – табуретка опрокинулась и куда-то завалилась, ногой (да при его росте!) не нащупать.

– Сейчас упаду, держите меня!! – благим матом завопил Малярчук, обняв перегородку. А она скользкая, собака, отделана кафелем.

Вадик услышал нечеловеческий вой и выскочил из кухни. Видя положение дел, он заметался в ужасе: «За руку не вытянешь, тяжел, сомяка, сорвется вниз и с собой утащит. Вместе превратимся в блины с икрой!»

– Подожди, браток! Потерпи чуть-чуть! – зарыдал Дулепистый – всё ж таки жалко старика. – Что же делать? Что? А? А если скотчем? – и Вадик ринулся к ящику с инструментом (скотчем-то он антенну приматывал и краны заодно). Отличная идея!

Дулепистый прилепил к кафелю левую ладонь Батумыча. Слабо! Затем щиколотку левой ноги. Не-на-деж-но!

– Геморрой, – простонал Малярчук, онемевший от сидения сразу на двух перилах. – Подвяжи че-нидь!

Дулепистый на всё тот же скотч прищипандорил сковородку к ягодицам.

– Теперь голова! Голова отваливается!

Надо отметить, что на всей голове Батумыча была только одна достопримечательность: кустистые брови.

– Это у меня усы. Мозговые, – гордо трубил он...

– Твои мозговые усы и влекут тебя вниз. Давай сбреем, – в шутку предложил Вадик.

– Не, то сковородь слишком тяжелая – перевешивает вниз, – испугался за свое сокровище Малярчук.

Дулепистый и голову закрепил за шею скотчем к кафелю, да так, что нос приплюснуло к торцу перегородки.

Только Вадик сел передохнуть, как на голову Всева приземлилась оса, а ос тот панически боялся с детства.

– Лучше застрели меня сразу! За что мне такие муки?! – запричитал Малярчук.

– А не надо было шпроты есть, садюга!

Пока оса делала прицельные виражи над парализованным от страха Малярчуком, Вадик обвязал его бельевой веревкой в несколько витков. И дернул так, что тот кубарем перекатился на лоджию соседки, потеряв при этом и второй шлепанец. Пижаму пришлось после простирнуть капитально. С тех пор, видать, у него и энурез.

Дальше всё развивалось следующим образом: ребята спустились к Ваде домой и засели за воскрешение...

Зашла жена с подругой домой – Малярчука нет.

Она на балкон. Смотрит: на тротуаре тапочки мужа! Она в рев. С ней приступ. Вызвали «Скорую». Откачали. Обзвонили всё что можно и нельзя – нигде нет. Ночью слышит в дверь: «тыр-тыр». Перепугалась: рэкетеры?

Нет – Малярчук в мокрой застиранной пижаме в дупель.

– Всё. Теперь ты под домашним арестом пожизненно!

Вдобавок законопатила дверь на лоджию. Одна форточка на кухне – но через нее с ком-плекцией Батумьча – ну никак не просочишься!

Глава 7

8.55

Бодуненц взялся за карандаш. Носки на чайнике почти подсохли. Скрипнула дверь. Вбежал коллега-физик. Савелий еле успел сбросить их в верхний ящик стола.

– Что за ядреный запах, Савик? Чай что ли заваривал? – пискнул физик и схватил чайник.

– И минут через пяток получите кипяток, – пропел он. – Точно, горячий.

Плеснул себе в чашку.

– Че за чай? «Цейлонский»? «Ахмад»? С бергамотом? Запах – очуметь!

Как ему объяснить, что носки сушил – не поймет еще.

Тут к Бодуненцу снова входят мастера – по второму кругу. Рыскают, но ничего с градусом нет.

– А! Мы тут уже были.

– Насморк замучал – совсем не чую запах спирта, – пожаловался Проктер. – А ты, Глеб?

– Я тоже. Простудился где-то. В вентиляторной, кажись, продуло.

– Плохо. Надо ноздри прочистить. Чем-нибудь сухим.

– Есть у тебя тряпка чистая от насморка – струей льет? – озабоченно спросили мастера, открывая ящички стола Савелия. Всё перерыли и в самом верхнем обнаружили почти высушенные на чайнике носки. Понюхали. Вроде, чистые.

– Ты в нос их. Буравчиком, – сказал Гембл. – Тебе один носок. Мне – второй. «Нос носком вышибают».

Вкрутили в обе ноздри по носку и ушли. Надолго ли?

* * *

Ребята засели под грибком. Пока детей еще на улице не было: кто в садике, кто в школе, кто просто спит.

Далее события развивались по стандартному сценарию.

После двух бутылок начался обычный пьяный треп.

– Ты видел на солдатских погонах символы «РА»?

– Ну да.

– А что обозначают, знаешь?

– «Российская армия».

– Не-а! «Рома Абрамович». Видать, скупил нашу армию на корню, а до того «Челси», – икнул Арнольд.

– А я слышал, в Одессе Дерibasовскую улицу переименовали в Дерипасковскую.

– Значит, много отбашлял одесситам.

– Ага, за юмор.

– Сей товар дорогого стоит.

Тема про олигархов была особенно популярна в компании Люлипупенко.

– И было у Билла три сына, – громогласно заявил Люлипупенко, имея в виду наследников Билла Гейтса.

– За что пить будемо, россияне?

– За наследство.

– В ответ на мемуары Гитлера «Майн кампф» Билл Клинтон написал свои остросюжетно эротические «Май кайф». Соавтор – Моника Левински...

Братва допила остальное и отключилась по домам. Ненадолго. Кроме Люлипупенко. Тот пошел отдыхать на свое привычное место – стол для пинг-понга.

* * *

– Мама! – завопила Лика Вермилина в лифте.

К ней тут же дуэтом в терцию присоединилась Лара Жихина. Вот она – страсть к сладкой жизни. Нет, чтобы со второго этажа пройтись пешочком до выхода из подъезда. Так забежали снова в лифт – комфорта захотелось. Ветерка. Вот сейчас сиди-бди, когда включают. Только в первый раз застряли минут на пять. Намотать бы на ус. Думали, в одну и ту же воронку два раза снаряд не падает. Ошиблись. Падает и всегда маслом вниз. Ну, теперь не жди от доцента Моповой ничего хорошего за опоздание.

* * *

Перенесемся с осеннего утренника на полгода ранее.

Только что закончились выборы. Бывший завсегдагай грибка, а ныне депутат Кремов (живет он сейчас в элитном поселке в Курье, в собственном четырехэтажном коттедже среди вековых сосен на берегу Камы) не зазнался, как это обычно бывает с другими депутатами, а заехал к своим вчерашним дружкам. Совесть депутата подсказала – депутатский значок надо обмыть. В кругу электората.

– Давай, Рома, клади его в стакан...

...Дальше Рома ничего не помнит. А там, то ли проглотил он свой значок, то ли выронил на землю...

Только назавтра Люлипупенко гордо прохаживался по двору в депутатском значке. Мол, выбрали – не ошиблись. Сбылась мечта трудового народа. Жить станет веселее.

– Какие будут наказания?

– А-а-а? Откуда?..

– Наказы платные.

– Упоняли.

– С вас – по сто рублей. С пенсионеров – по тридцать. Ветеранам-защитникам Бастилии бесплатно.

* * *

Шура слегка припозднился на первую пару: дотопывал до университета пешком. Кроме того, нужно было почистить костюм, запачканный рыбой в трамвае.

Отмывать пришлось спиртом в лаборантской на кафедре. Тут душа не выдержала:

– Дайте лучше ацетон или бензин какой-нибудь. Не могу я на это безобразие смотреть. Чтобы ценный продукт переводить.

– У нас из растворителей только спирт, – пожимали плечами лаборантки.

Глава 8

9.45

В девять сорок пять у Бодуненца было важное мероприятие. Показательная ежегодная лекция по начертательной геометрии для подтверждения своего статуса преподавателя лица.

Проводила аттестацию представительная методическая комиссия. Она разместилась рядом с кафедрой.

Возглавлял методкомиссию старый матерый преп Кофейня Иван Поликарпович, махровый зубрище, патриарх. Наверное, еще заводчиков Демидовых лично знал. Во всяком случае у них начинал. На царя полжизни ишачил. Восьмидесяти, а то и всех ста восьмидесяти лет от роду. Слегка (да где уж там слегка – совсем) глуховат и слеповат. Но то, что Данилу-мастера из «Хозяйки медной горы» Бажов с него списывал, не подлежит всякому сомнению.

Рядом с Кофейней сидела Аделаида Викторовна, старший методист – вместо переводчика. И еще человек семь разных сотрудников лица.

Кофейня то и дело наклонял к методисту красное мохнато-седое ухо. И периодически ковырял в нем большим пальцем, как будто выковыривал застрявшие там слова и предложения. Затем записывал что-то в тетрадь и делал пометки в своем неизменном блокноте.

– Сегодня, ребята, – бодро начал Бодуненц, – тема нашего урока: «Метод Монжа».

– А? Что? Говорите громче! – раздался рядом с Бодуненцом голос Кофейни. – Уж, если мне не слышно, что говорить об лицейстах на последних партах!!

– Метод Монжа! Тема!

– Вместо моржа? В темя?

Пришлось Савелию наклониться к волосатому уху Кофейни и рявкнуть что есть сил.

– Да слышу я, слышу всё прекрасно, – прогнусавил мэтр и обвел испытующим взглядом аудиторию: «Ну и кто этому не верит?» Затем он достал морской бинокль (похоже, с крейсера «Очаков») и уставился на доску.

Бодуненц возобновил лекцию.

– Преобразование ортогональных конструкций...

– Каких-каких инструкций? – от возмущения у Кофейни перехватило дыхание.

Пришлось Аделаиде Викторовне долго и доходчиво объяснять Ивану Поликарповичу смысл сказанного.

Между тем Бодуненц увлеченно рассказывал, уже не замечая возгласов старпрепа:

– Здесь никаких проекций не может быть...

– Каких-каких эрекций? – переспросил Кофейня.

Стало быть, опять что-то не то почудилось.

– ...биссектриса.

– Актриса на бис? Это Истомина? Или?.. Бисек?.. Ну не слышно! – опять загундосил мэтр. – Мямлит и мямлит себе под нос! Я сижу рядом – большую половину слов не разбираю. Представляю, каково ребятам усваивать новый материал.

– Угол раздела, говорю! – раскатом грома прогремел Бодуненц, так что задрезжали фужеры на фуршетном столике Их Величества этажом выше.

– Как меня угораздило? К главарю?

– Не обращайтесь внимания, продолжайте, – проартикулировала Савелию губами Аделаида Викторовна.

– Тангенс угла наклона.

– Танки с углем на склонах? При чем тут военная тематика?!

– Как видно, гипотенуза...

– Ноги потеют? В Санузел?

- ...можно вполне на катет.
 - А то на этой волне он мне накатит?
 - ...это же восемь градусов.
 - Живой и радуйся? Снова мне?
 - Многоугольник...
 - Ногой в свекольник?
 - ...Полноте, ребята, вы должны знать. Быстрее. Как называется?.. Вспомним? Трапеция!
 - Полный трупец я?!
 - ...ромб и овал содержат...
 - Не фигу себе!! Чтобы тромб оторвался прежде?!
- В конце лекции в класс ввалились Проктер энд Гембл.
- Пардоньте. Немного задержались.

Лицо Кофейни становилось всё багровее и багровее.

- Всё! Баста! Хватит! – рявкнул он громогласно. – Пора и честь знать!

После чего звучно просморкался и прокашлялся.

- Перейдем к анализу урока, – зычно объявил Кофейня. – Разбор полетов...
- «Моржовый метод» – это хорошо, – начал издали старпреп, имея в виду метод Монжа. –

Это мне нравится. Но ваши некорректные замечания в мой адрес, как председателя методической комиссии, особенно про то, чтобы я «ногой в свекольник» или чтоб у меня поскорее «тромб оторвался», и что «полный трупец я», и, главное, «никаких эрекций» не выдерживает цензурных слов. Это уж, знаете, слишком. Мое мнение негативное. Так и передам Александру Леонхардовичу.

* * *

Перед тем как заснуть окончательно, сознание Левы прокрутило поминутно вчерашнюю смену. В деталях.

«Не помню только, как домой с работы добрался. Пешком? На троллейбусе? Автобусе?.. Такси? Такси! Точно! Еще песню "Чайфа" по "Авторадио" крутили».

– А ну, включи погромче (таксисту). Правильная песня, жизненная – больным много не наиграешь.

- К чему это вы?
- А поют про матч аргентинской сборной с ямайской.
- Ну и че?
- Че, че? У них трещина в заднем проходе – вот че.
- У кого «у них»?
- У футболистов этих, потому и проиграли с разгромным счетом Аргентине. Об этом и поют. А их женщины печальны. Знают диагноз.

– Что поют? Ах, это:
«Какая боль, какая боль – Аргентина-Ямайка 5:0»

– Не какая, а *какая*: «*Какая – боль! Какая – боль!*», – это я вам авторитетно заявляю. Как врач-проктолог.

* * *

Первой парой спецкурс доцента Моповой. Инессы Мефодьевны. Пересчитала всех. Всего три человека из пятнадцати. Болезненный удар по самолюбию.

- Где Кисельков?

– Здесь, – просвистел мимо пулей Кисельков. – Один свидригай рыбой запачкал. В трамвае. Пришлось костюм чистить.

– Итак, всего четыре, – продолжила доцент Мопова. – Где Жихина? Где Андрюков? Где Вермилина? Спят?! Ничего, на экзамене у меня отоспятся, вернее, отсопятся, вернее, теперь уже я отосплюсь на них по полной программе... Запишем уравнение насероводораживания стали в щелочной среде Гольдштейна-Дрюкина, – Инесса Мефодьевна перевернула несколько страниц конспекта. Промычала: – Где же оно кончается? Наверное, в других тетрадах... Его студентам надо знать наизусть в интерпретации Фурье-Лагранжа в виде тройных интегралов с кубической матрицей. Над этим уравнением Гольдштейн трудился всю свою жизнь, но так и не дописал (чернил, знамо, не хватило). Потом академик Дрюкин – еле закончил в возрасте девяноста лет. Так что его целиком еще никто мне не написал и даже не списал за время подготовки к ответу во время сессии, – злорадно усмехнулась она. – А тем, кто был сегодня – полный зачет и оценка «отл». Можете так и записать вместо одного уравнения в своих тетрадах. Кстати, дополнительная информация для всех остальных: пусть и не думают приносить мне на экзамен мои любимые конфеты «Рафаэлло» и коньяк «Хеннеси».

...В самом конце занятия появляется наконец-то Боря Андрюков.

– Живу на Липовой горе, – отчеканил он. – Далек за городом. Потому и опоздал.

– Врешь ты всё, Андрюков! Горе ты липовое. И отмазка у тебя липовая... И гора у тебя тоже... липовая, – пожевав губами, буркнула доцент Мопова.

* * *

Во двор Бодуненца въехал «меркуцио» и тонированный джип. Саша Квартет нарисовался собственной персоной. У него тут дядя-инвалид жил, большую половину жизни провел в тайге – потомственный «лесоруб».

Квартет махнул рукой водителю и охране – отпускаю, дескать, всех по барам.

– К дяде что ли? – взметнул брови Люлипупенко с теннисного стола.

– Эге. Надо гостинцы передать. С неволи. Помнят козырного туза. Не забыли!

Глава 9

11.20

После провальной показательной лекции Бодуненц поплелся в свой кабинет передохнуть и собраться с силами.

В одиннадцать двадцать пять к нему в кабинет забегают фрезеровщик Прокопчиков. В ушах носки Савелия торчат – ввернуты, как лампочки – буравчиком.

– Мастера дали. У них насморк как рукой, заодно протрезвели. А я тут чеснок в ушах (врачи настоятельно рекомендуют) держал. Ерунда это всё, блеф сивой кобылы, ни шиша не помогает. Носки – вот это да! Ядер!

– Блин, мои носки скоро панацеей станут! – ахнул Бодуненц.

– Чем-чем?

– Народным средством.

* * *

Вот, вроде, в другом подъезде сверлят, а весь дом ходуном ходит, и у Малярчука рябит телевизор от этого.

И вдруг всё стихло. Разом. И дрель. И телевизор. Даже Моня глаза приоткрыла от удивления. Зато откуда-то раздались истошные вопли. Наверное, в лифте кто-нибудь застрял – удовольствие не из приятных.

* * *

Никеш ковылял после бани домой. Выколупывал пену из ушей. Спину основательно отвальцевали тазиками. Ну, и обварили слегка мужское достоинство. Да нет, не слегка, кажись, сильно. Да что там сильно – сварили вкрутую!

* * *

После непродолжительного отдыха пацаны стали снова возникать вокруг песочницы. Тем более что Квартет объявился собственной персоной. Киселян, опять же, должен подрулить из гунька после двух пар.

Глава 10

11.30

Следующим уроком у Бодуненца стоял по расписанию семинар по начерталке.

Савелий пошел на него расстроенный, уже в принципе никак не обращая внимания на голые щиколотки.

В центральном вестибюле лица меж тем на самом видном месте висел плакат «Бодунец-молодец!». Ниже дописано фломастером «Бодунец – лихой боец!» и рядом «Но пасаран!» с изображением руки, сжатой в кулак, а в кулаке – рейсфедер с тушью.

– По какому случаю? – подумал Савелий. – Вероятно, лицеисты проявили солидарность после лекции с Кофейней. Точно! В констатации тому в семинарском классе на доске была девичьей рукой выведена надпись мелом: «Савелий Самойлович, я Вас люблю!»

И Бодунец сразу же вспомнил Оксану, ее прекрасные огромные глаза.

Поэтому добавил другую надпись: «Но геометрию больше».

Конечно, приятно, когда к тебе так относятся. Но есть темплан. Его надо выполнять.

– Приступим к самостоятельному заданию...

* * *

Никеш проскользнул мимо пацанов.

– Ты че такой сердитый? В бане был, поди, не у проктолога, – усмехнулся Арнольд.

Никеш в сердцах махнул рукой.

– Не трогай его, Риня, чуешь, команданте плохо.

– Сэ ту, проехали...

– Мужики, трэба как-то старого пензельтона выручать. А то засохнет в одиночестве, – резанул Музян.

– Есть идеи? – повернулся Квартет.

– Ключ надо передать от внутреннего замка, – подал идею Вадик.

Следует отметить, что в Малярчуковскую дверь вмонтировано два замка. Один кодовый (верхний). Другой обычный (нижний).

Изнутри, стало быть, закрывается на два металлических ключа. Снаружи верхний замок можно открыть только тастатурой, зная секретный код. А его жена Малярчука ни под какими пытками (даже щекоткой пяток!) не выдаст. Вот ведь придумала, ядрена-матрена!

Возникает закономерный вопрос: как войти внутрь? Код – лишь она знает. От наружного – ключ на шее носит. Не стибришь. А вот внутренний – в сумке или на пальце. Можно, разумеется, незаметно экспроприировать, но как передать Всеве – под дверь не просунешь – железная.

– Остается – в окно!

– С вертолета?

– Через чердак?

– Всё не то.

– Устроим мозговой штурм, – сказал Люлипупенко. – Чердак на амбарном замке. Версия отпадает.

– Где вертолет достанешь в условиях кризиса? Да и дороговато по нынешним временам, – наморщил лоб Квартет.

– А если спиннингом? – меланхолично ляпнул Музян.

– А что? Это мысль.

– Ты отзвонись, Вадик, соседке Полине. Сообщи, что краны не докрутил. Мол, затопит новых русских этажом ниже. Подействует, – развил мысль Арнольд.

– Возьмем спиннинг. А я ключ у его жены стырю. Вернее, уже стырил, когда она в чипок ходила, – с гордостью сообщил Витек-Гагулек. – Передадим ему через форточку.

Ну что ж, план одобрен. Пора за работу. Дулепистый набрал Полину.

– Подтекает где-то у вас в кухне, Полина Геннадьевна, жильцы снизу жалуются. Это я, наверное, краны не докрутил.

Та на такси. Пулей. Осмотрелась. Вроде всё в порядке, но кто его знает.

– Пока гром не грянет...

– Рисковать не стоит, согласна.

– Вадик, держи ключи. Проверь еще раз как следует. Вечером отдашь, а я обратно...

– А где спиннинг возьмем?

– У соседа из 38 на время.

– А это, с которым мы в прошлом году колбасились, – вдохновенно вспомнил Люлипу-пенко...

Сосед из 38 квартиры каждые выходные как штык ездил на рыбалку. С ворохом удочек и подсачником. С большим рюкзаком и прокопченным котелком. Полный джентльменский набор. На своем стареньком «жигульке».

Люлипупенко не выдержал первым. Когда шабер проходил мимо него в субботу, он нарочито громко воскликнул:

– Давно что-то я свежей ущицы не ел!

– И кто тебе мешает? Купи рыбу на рынке да свари, – возразил Малярчук.

– Фу, как обыденно. Никакой романтики! – скуксился Арно. И в лоб шабру. – Возьмешь с собой? Или слабо?

– Ты меня на «слабо» не бери, – возмутился тот.

– Хорошо, тогда на «сильно».

– И меня, – загорелся Левик.

Сосед придирчиво посмотрел на мужиков, а потом махнул рукой:

– Ладно, салаги, считай, почти уговорили.

– Когда очередной выезд?

– Завтра. На Косьву. Но придется рано вставать.

Люлипупенко, как всегда, проспал. На столе.

Ничего! Разбудили и даже умыли из термоса горячим чаем.

Собрались ехать на автомашине соседа. Попутно подхватили его друга. Невысокий такой лысоватый мужчина с брюшком.

– Вивасов, – представился он и сел справа от водителя.

Примерно через час свернули с асфальтовой дороги на проселочную.

Непролазная грязь, подернутая ледком. Колея.

Сосед ворчит:

– Один-то я бы здесь рано утром проехал по свежему ледку, а вот вчетвером да днем – вопрос.

– Всё нормалек, – успокоил Вивасов, – проскочим. Распределенное усилие тяги на колеса, модальный центр тяжести, динамический вектор нагрузки, дельта крутящего момента...

Что-то почеркал на бумажке:

– Согласно уравнению Ван-Стокса скорость надо не ниже 65,53 км/час.

– Он – доцент в университете, – уважительно отозвался сосед. – Голова!

Разогнались и... Точно в середину лужи.

– Скользящий момент не учтен, – деловито отреагировал доцент. – Сейчас внесу поправку в уравнение.

– Поздно, – сказал сосед, – Выходите, толкнем.

Тут навстречу такие же раздолбаи на «Оке». Хлесь! И тоже в центре лужи.

– Не по науке, вот и шмякнулись, – авторитетно прокомментировал доцент Вивасов.

Водитель «Оки» с пассажирами преспокойненько так выходят. Без цензуры. Трое.

И... переносят «Оку» на руках через лужу. Едут дальше.

– Нашу так не оттащишь, – завистливо вздохнул Люлипупенко.

Ребята открыли правую заднюю дверь и стали выбираться через правую сторону – там было суше.

Доцент также вылез из машины.

– Э, да тут мелко, – с этими словами сосед распахнул водительскую дверь, шагнул в колею и погрузился по макушку в жижу.

Вынырнул, отплевываясь и матерясь на чем свет стоит.

– Да успокойтесь, друзья. Дело поправимое, – сказал доцент. – Толкнем одновременно по моей команде в режиме синхронного импульса. Сейчас один рывок и всё в шоколаде. А ты газуй.

– Не всё, а все, – процедил сквозь зубы Люлипупенко.

И... оказался прав: задние колеса закрутились со страшной силой и в одну секунду мужики действительно превратились в глиняных китайских болванчиков. Словно в шоколаде. Все... кроме доцента. Он предусмотрительно стоял посередине.

– Расчет правильный, но не учтена гетероциклонная поправка на ветер, плюс осевая нагрузка и дельта скольжения, так называемый «фактор Бокса-Уилксона».

Наука! Придраться не к чему.

– Что же делать? – спросил Левик.

– А вот здесь мировой разум пока бессилён. Надо искать трактор.

– Без тебя не догадались, – прошипел себе под нос Люлипупенко.

Доцент меж тем поколдовал чего-то с часами, затем почеркался в блокноте.

– Азимут 315. Деревня строго на северо-запад.

– А лай собак справа?

– Акустическая абберация.

После этого доцент уверенно пошел в рассчитанном направлении. И... поскользнулся. У самого края лужи.

Ругая фактор Бокса-Уилксона грязными словами из той самой лужи, стал подниматься на ноги. Однако снова упал на руку, вернее, на ладонь и почти не запачкался. Уже было встал. Но тут дунул боковой ветер (та самая гетероциклонная поправка!) и свалил его в самое месиво. Полностью! С головой!

– Есть же всё-таки справедливость на свете!

Ликовали абсолютно все! Все... кроме доцента.

– Давай, выбирайся, – протянул руку счастливый Люлипупенко.

– Ну вот, а ты над спелеологом Кисельковым намеренно издевался, – укоризненно покачал головой Лева.

Идти в промокших от грязи костюмах – прямо пытка.

Конец! Полный финец! Как в комедии «Джентльмены удачи». Но не июль ведь шастать в трусах и майках.

– Знаю, что делать! – стукнул себя по лбу Люлипупенко. – А ну, доставай горячее.

Благо оно было припасено в избытке.

Глотнули по бутылке, а доцент благодаря своей комплекции – целых две. И вот тогда уж в одном нижнем белье добрались до ближайшей деревни.

Одежда в руках вся мокрая и грязная.

– Пойду за трактором, – мотнул головой сосед.

– Не оставляй нас здесь одних, – взмолились хлопцы.

– Черт с вами, двигайте за мной. Если сможете.

Минут через пятнадцать добрались до хаты председателя. Председатель – женщина.

– Ну что ж, покумекаем, авось что-нибудь придумаем, – наморщила лоб она. – Айда к Афоне!

Пошли. Подруливают к крайнему дому в проулке.

Навстречу – компания в обнимку, шатаясь, как маятник Фуко. В центре смазливая молодичка в свитере и сапогах, по краям – разновозрастные мужики.

– Верка, а муж твой, Афоня-механизатор, где?

– А вон у поленницы л-л-лежит, л-л-лыка не вяжет...

– Нужен трактор. Где ж его взять-то? У одного горючего нет, у другого есть, но гусеница снята. Третий сам увяз в болоте на выгоне – руками не вытащить. Да и трактористы россыпью лежат. Как патроны после боя... Дам-ка я вам пацанов нашенских, пятиклассников. Троих. Завтра. Утром. Спят уже. Перед школой. А сейчас пока грейтесь на печке.

В шесть утра появились те самые пацаны. Худые. Низкорослые.

– Ты на них не смотри, что малые. Главное, что они пока не пьют, только курят, – уредила вопрос Левика председательша.

По первому ледку пацаны вместе с соседом вытолкнули машину. Остальные во главе с доцентом отлеживались на горячей печи. После этого случая Люлипупенко на рыбалку ни ногой. Особенно с доцентом.

* * *

Вадик снова оказался у сослуживицы в квартире. Стучит в стенку.

– Батумыч? Всевышний? Ты живой?

Тот сразу не поверил. Своему счастью.

Стали перестукиваться азбукой Морзе. Малярчук ее знал – работал в молодости на телеграфе. Телефон то тоже отключен, как и домофон.

– «Открой форточку».

Сделали двойную леску, пропустив ее через грузило и блесну. Потом можно будет, прикрепив ключ к одной из лесок, перетащить до окна.

Первый заброс. Мимо! Зацеп за рога проходящего троллейбуса – чуть не снес Дулепистого с лоджии вместе с ограждением. Леска-то японская: на такую сухогруз поймешь и то не сорвется. Хорошо, там на катушке есть аварийная кнопка «Кит». Догадались нажать. Леску переплавил пополам. Блесну жалко – ушла. Вместе с троллейбусом. Придется новую искать. Благо, сосед запасными снастями снабдил. Прикрутили из ЗИПа. Вторая попытка...

И снова промах. Точнее, не совсем. Зацепили норковую шубку у соседей – просушивалась перед зимой. Сорвалась. Упала вниз – вовремя не подсекли. Ну и ладан, у энтых куркулей таких много. А кому-то прилетело – в радость. Шуба с неба – подарок свыше.

Третий заброс – вырвали горный велосипед со стенки на восьмом этаже. Сыграл вниз, как миленький. И снова кому-то удача. Двойная! Чу! Там уже толпа собралась: очередные подарки ждут. Слышен одобрителный гул: «Промоакция. Промоакция»...

Четвертый. Стеклопакет грузилом на шестом этаже вдребезги. Сработала сигнализация. В следующий раз надо быть осторожнее...

Пятый – есть поклевка! Зацепилась за антимооситную сетку на форточке в Малярчукской кухне.

– Снимай и тащи! – привязал Вадик ключ к леске.

...Вневедомственная охрана вбегает на шестой этаж. Чисто. Во всех комнатах. «Чисто» – в смысле воров нет, а не то, что «от вещей очистили» – одни стены голыми оставили (такое

тоже бывает). Только окно разбито. Птицы, вероятно. Или пацаны мелкие озоруют. Составили акт и восвосяси.

Далее всё как по маслу: Малярчук втаскивает ключ, быстренько собирается и наутек.

– Сховаешься в другом доме. У Евсеича или на вилле у депутата Кремова. А пока жена бродит по магазинам, сиди с нами – наслаждайся жизнью. Тем более что пенсию тебе только вчера принесли – не успела еще жена растринкать.

* * *

После спецкурса Кисельков засеменял в другой корпус. Следующая пара у доцента Вива-сова.

На столбах между корпусами университета висели густо наклеенные объявления:

«Типография срочно продаст валюту разных стран с тридцатипроцентной скидкой».

– Знамо, затоварились после выборов, – зацвел черной завистью Кисельков. На депутатах сейчас большие деньжищи делаются.

* * *

Снова затарахтела дрель, стихли вопли в лифте, и Лева окончательно проснулся.

– Надо бы стиркой заняться, – вспомнил он.

На прошлях Лева, наконец-то, сподобился и купил стиральную машину. Выбрал самую наилучшую.

– Внимательно осмотрели? Внешние повреждения какие-либо заметили?

– Вроде, нет.

– Тогда распишитесь. В пяти местах. При получении еще раз осмотрите, царапины будут – можете сразу вернуть в магазин на обмен, – мило улыбнулась секретарь на ресепшне Вероника.

– Вот это сервис! Европейского уровня, – ликовал Смолянский.

Всем покупателям наш фирменный подарок – доставка, установка и подключение к водопроводу бесплатно, – продолжала девушка.

Цепляет за живое – такая забота о потребителе! Рука так и тянется в карман – отслюнявить последние!

В общем, всё уплачено и подписано.

В означенный час из минуты в минуту являются два дюжих молодца с большущей коробкой. Еле втащили. Вчетвером (они плюс Лева, плюс жена). Работа закипела.

Через десять минут тот, который постарше, достает из нагрудного кармашка ручку и приглашает к подписанию акта приемки-передачи.

– Распишитесь в получении и установке.

– А включить машину можно? Послушать, как работает? – не терпится Смолянскому.

– Можно. Ведро только принесите. А лучше – два.

– С бельем?

– Пустые.

– Зачем?

– Воду отработанную сливать из вот этого шланга.

– А разве сброс в канализацию не предусмотрен?

– Ты положение рекламной акции внимательно читал? – перешел доверительно на «ты» старший мастер. – Бесплатно только подключение к водопроводу, а к канализации – нигде не сказано. Установить установили? В смысле, поставили на место, как полагается? – Поставили...

А насчет слива – будь ласка, в ведро сцеживать и самостоятельно бегом до унитаза, благо туалет рядом.

– А если приплатить?

– Другой разговор, тогда тыща, и всё готово.

– Валяйте! Уболтали, демоны!

– Чуть совсем не забыл, – хлопнул себя ладонью по лбу тот, что постарше. – Она ж еще при работе должна подключаться к электричеству силовым кабелем. Обычный стогит. В два счета. Через час-другой.

– Рукой-то барабан крутить не будешь – не спортлото, – также перешел на доверительный тон младший специалист.

– Ну давай, подключай к электричеству, – промямлил Лева, предварительно пощупав свои бицепсы. Да! Хиловаты они для ручной стирки.

– Электрика отдельно – тысяча девятьсот девяносто девять рублей девяносто девять копеек – у нас всё точно как в аптеке. Получите сдачу – одну копейку.

– Возьмите на чай.

– Чаевые оскорбляют достоинство профессионалов.

Наконец, окончательно подключили стиральную машину. Полный автомат. Единственно, корпус надо придерживать руками, чтоб не взлетел при полоскании.

– И этот вопрос решим. Принципиально, – хмыкнули мастера. – Специальный антивибрационный коврик – всего три тысячи. Делаем на «раз-два-три».

– Кстати, есть отличный фильтр для предварительной очистки воды от жесткости, то бишь последующей накипи.

– А это выходной – для предотвращения экологического загрязнения нашей красавицы-реченьки Камы.

– А вот фартук-антибрызговик.

– Наушники от шума.

– Жучок для электросчетчика, чтобы электричество назад сматывал.

И они продолжали доставать и доставать из многочисленных фирменных чемоданчиков всякие прибабасы.

– А почему гвозди торчат из стенки? – наконец-то удалось вставить слово Смолянскому (это он об усиленной проводке).

– Могут и не торчать, но тогда, – и старший выразительно пощелкал пальцами. – У нас времени в обрез. Лимит. Еще таких, как ты лох... в смысл-л-ле, ох, каких уважаемых людей – масса!

– А почему розетку нужно придерживать другой рукой, когда вилку вставляешь?

– Много вопросов задаете мужчина... И это хорошо! На каждый глухой вопрос у нас есть свой звонкий ответ.

И они еще долго (хотя торопились) втюхивали про фирменную автоматическую розетку с дистанционной подачей электричества. Суперстиральном и сверхэкономном порошке (ложка на кубометр), но по тройной цене. И многом, многом другом. После чего Лева почувствовал, что прачка – это серьезнейшая профессия и тут без высшего образования – никуда.

...Через три дня Лева пришлось снова сливать воду из машины вручную. Не постиг, стал быть, таинства управления сложной бытовой техникой. А скорее, автоматический клапан наколенной юртовой сборки рассыпался.

Он снова в магазин. К Веронике.

– Где мне ваших «орлов» отловить для гарантийного обслуживания.

– Каких «орлов»? У нас их много, разных видов (степные, высокогорные, залетные), – заулыбалась Вероника.

– Которые у меня три дня назад стиралку устанавливали. Посмотрите в компьютере.

Девушка минут пять копалась в файлах:

– Иванова с Петровым что ли?

– Ну, наверное. Не представились.

– Зайдут в эти выходные. Часов в восемь. Ждите.

Пришлось Левуку бдиль в субботу и в воскресенье по утрам, чтобы, не приведи Господь, не проспал визит мастеров. Хотя после ночного дежурства – то еще удовольствие.

Наладчики пришли в воскресенье утром. В том же составе. Снова провели часовой инструктаж. Кое-где кое-что кое-чем прочистили. Настойчиво поинтересовались о возможности закупок дополнительных аксессуаров. Но в этот раз Смолянский был более осторожен в вопросах отстеживания кровных. Зато незаметно так узрел истинные фамилии сладкой парочки в выписанном заказ-наряде.

В одну реку нельзя вступить дважды. А в конфликт со сферой обслуживания можно. И сколько угодно раз.

Ровно через неделю после визита мастеров очередная микроавария.

– Иванова с Петровым? – задала наводящий вопрос диспетчер.

– Ага, их.

Чтобы решить вопрос окончательно и в свою пользу, Левик позвонил одному товарищу. Другу. Военному.

Была у ребят одна слабость – оба призывного возраста, хотя, вероятно, и отслужили уже.

– Найди мне, Славик, двоих гопарьков. Кульков Боря и Брюлькин Гера. По базе призывников. Охота им в глаза посмотреть и не только.

Военком хохотнул:

– Для тебя лицо человека видно только с тыльной стороны.

... Позавчера у Левы осенний призыв начался. Включили в состав медицинской комиссии как специалиста-проктолога. Повестки послали и Кулькову с Брюлькиным. Для подтверждения звания рядовых запаса.

Пришли резервисты на традиционное обследование в военной комиссии. Без хорошей задницы в современной армии никак не обойтись (как в засаде будешь сидеть с геморроем, или в БТРе со слабым желудком?). Только в авиадесантных или морфлоте. Там можно. В смысле, расслабиться в воздухе или в воде.

Наконец, Левик увидел долгожданных «орлов» и забежал к председателю комиссии:

– Направь-ка вон тех вояк ко мне на обследование...

– Ба! – да это те самые молодцы, которые мне стиральную машину устанавливали. С разными дополнительными опциями. Сверх норматива. И с которыми я практически породнился на почве автоматической стирки, – картинно гаркнул басом Смолянский.

– Мы, – сразу как-то скисли недавние знакомые.

– Зоя, тащи-ка оборудование, которым мы бегемотам в зоопарке промывание желудка делали – подшабашивали, – сказал Лева, потирая руки. – Ну те-с, посмотрим, всё ли у вас в порядке с пищеварительным трактом. Сделаем пробную пункцию. Забор экскрементов.

– А может, не надо?

Лева достал шприц ведерных размеров: игла диаметром с водопроводную трубу (слону в хобот воду закачивать) и клизму величиной с гандбольный мяч.

– Не мала? – обратился он к Зое.

– Больше-то всё равно нету, – ответила санитарка, – а то бы нашла.

– Что ж, проверим перистальтику кишечника у воинов запаса. В армии с плохим кишечником нельзя – товарища в окопе утопишь или в танке весь экипаж. Особенно если плавать не умеют.

– А нельзя ли поменьше?

– Поищем. Но тогда, – и Лева выразительно пощелкал пальцами. – ps, ватка у нас в комплектацию не входит – идет по отдельному трафику, впрочем, как и туалетная бумага, и спирт. . . С тебя ровно тысяча девятьсот девяносто девять рублей без копеек – перешел на доверительный тон Левик. – У нас всё точно – не в аптеке. И с тебя, Петров-Брюлькин, столько же.

- Получите сдачу – два рубля, – протянула мелочь Зоя.
- Не надо сдачи! – сделали кислую мину мастера.
- Чаевые? Чаевые, как недавно меня просветили одни молодые люди, оскорбляют достоинство профессионалов, – гуднул Смолянский.
- Еще выпишем счет за спирт на ватке. Оплатите по безналу.
- Спирт-то у вас стоит дороже, чем бутылка «Мадам Клико» в винном бутике.
- Что ж поделать, друзья, ресторанная, читай, амбулаторная наценка. У нас же комиссия, как-никак, называется. Должны и мы свои комиссионные получить.
- Внешние повреждения на теле какие-то заметили?
- Нет, – повели плечами мастера.
- Тогда распишитесь в десяти местах.
- Сейчас мы вам укольчики поставим в мягкое место. Будете отходы кишечника после каждой еды в ведерках выносить. Я вам свои презентую. В качестве подарка от фирмы.

* * *

Евсейч при встрече со Смолянским спросил, имея в виду эпопею со стиральной машиной:

– Ну как, виден свет в конце тоннеля?

Но Лева расценил вопрос с профессиональной точки зрения. И ответил как врач-проктолог:

– Если у больного насморка нет. Или болтает много. Тогда бывает виден, а так нет.

* * *

На ресепшн зашли Иванов с Петровым, в миру Кульков и Брюлькин. Стоят, как кол проглотили. С ведерками в руках. После очередного гарантийного обслуживания у Смолянского.

– Присаживайтесь.

– Садиться не станем, – покраснел Брюлькин. – Сразу условный рефлекс срабатывает. Способны находиться только в положении стоя или лежа. Подобно парашютистам или водолазам.

– С чем пришли?

– Ты в следующий раз, Вероника, аккуратнее смысл профессии у клиента выясняй. А то уверяла, что проктолог – это мирный специалист по хозяйственным запасам, типа завхоза, всё в прок готовит.

– Сегодня устанавливаем холодильник у гинеколога. Ты точно утверждаешь, что это разновидность защитника природы – эколога?

* * *

Музын скорчил физиономию:

– Был вчера у врача. Сделали анализы. Результаты неутешительные: холестерин значительно выше нормы.

– И что сие значит?

Музян, как обычно, забрюзжал, загибая пальцы:

– Врач сказал: «Сало нельзя, масло нельзя, яйца нельзя, майонез...»

– Ты лучше скажи, что можно? – перебил Вадик.

– Получается – ничего...

– Кроме водки! – хлопнул в ладоши Люлипупенко. – Диетический продукт!

* * *

На другом столбе висело новое объявление:

«В типографию срочно требуются печатники с опытом работы на "Гознаке", приветствуется после отсидки».

Глава 11

11.40

Мастера заглянули в медпункт – это было их любимое место. Здесь всегда можно чем-нибудь поживиться.

Медсестра Валечка вопросительно подняла брови или то, что от них осталось после выщипывания.

– Зеленки нет?

– Есть. А вам зачем?

– Ну, это... Смазать. Продезинфицировать... Тут такое дело: подмастерье палец порезал... штангенциркулем.

Слово было внушающим страх и уважение, типа циркулярной пилы весом со штангу.

Напуганная медсестра тут же достала из сейфа вожделенный пузырек. Намотала на спичку ватку и обмакнула в зеленку.

– Че жалеешь, стюардесса? Дай-ка бутылек подержать.

Хана зеленке!

* * *

В помещении стоял жуткий холод. К тому же на аудиторной скамье места было мало – только на троих.

Но уселись все. Шура – в центре сокурсниц. По две с каждой стороны. Сели, плотно прижавшись друг к другу.

Доцент Вивасов завистливо спросил:

– Ну как? Согрелся, парень? Среди наседок?

– Шура покраснел, попытался встать, но не смог, зажатый, как в тисы, бедрами девиц.

* * *

В целом, у Вивасова было много собственных интересных педагогических находок. Например, если задача была не решена или решена, но неправильно, в таких случаях он говорил студенткам:

– Можно, я вас поглажу по тому месту, которым вы думаете?

И вгонял их в краску.

* * *

Жена Малярчука Мариша вернулась домой – муженька след простыл, дверь в квартиру лишь прикрыта.

Вещи на месте, но ни Малярчука, ни пенсии.

Подозрение сразу пало на Вадика, специалиста-универсала – больше дверь вскрыть некому.

Мариша подкараулила Дулепистого у выхода из супермаркета. Где ж ему быть-то (раз в чипке нет). Выследила.

Вадик ее даже и не узнал. Случаем видел раз или два, но не запомнил. Да и не ассоциировалась она с Малярчуком как-то. Но жена Малярчука знала всех его дружков.

– Где муж мой? – набросилась она на него с хозяйственной сумкой с продуктами (помидоры, яйца, соленая рыба).

– Я вам не брачное агентство мужа подыскивать. Ошиблись адресом, – отреагировал Дулепистый.

– Ты еще и дерзить удумал, шкворень? Где муж мой, ирод?

– Отбиваясь от ударов, Вадик парировал:

– Как его зовут? Ирод? Редкое имя. Древнее.

– Это ты – ирод. Я про своего мужа спрашиваю. Где он?

– Ненормальщина какая-то!

– Алкоголик!

– Я вообще не пью!

– Ага, в штаны лью.

– Дама, вы меня с кем-то спутали.

– Куда мужа мово дел? Я тебя спрашиваю, поганец этакий.

– Какого мужа? – демонстративно порылся в карманах и даже под мышками Вадик (Додик).

Это переполнило чашу терпения женщины. И она давай его снова охаживать сеткой с яйцами. Еле убежал, правда, весь грязный: в рыбьей слизи, куриных яйцах и остатках помидоров. В другую сторону. (*Помните, склизкий мужик с рыбой в трамвае – не Маришкина ли работа? прим. автора*).

Жена Малярчука в отчаянии вернулась во двор. Смотрит: сидит Вадик на скамейке как ни в чем не бывало и ее не боится. И уже нетрезвый. Видимо, умудрился тяпнуть на бегу. Главное, и переодеться быстрехонько успел.

– Ааа! Ты здесь уже, дубина, рассиживаешь?

– Привет, Маришня! Как там Всева поживает? – долдонит Дулепистый. И подмигивает нагло так.

– Ах ты, чучело гороховое! Издеваться? – Мариша.

И давай его лупить с утроенной силой остатками яиц.

Пока она его лупила, появляется другой Вадик (вернее, Додик), переодевшись в сухое, и вопит:

– Слушай, Вадяра, что это за мымра ко всем вяжется?

У жены Малярчука двоит в глазах. Стало быть, вот как эта болезнь «раздвоение личности» приходит. Думала только у мужа, когда он, упав с перепоя, кричит на нее с пола:

– Отстаньте, близнючки! Разойтись по разным углам!

– Вы кто такие? – осела Мариша.

– Близнецы. Я – Вадик, он – Додик. Или, наоборот.

– Как же вас различают?

– А так и различают: один пьет, другой – нет.

* * *

По дороге из университета Шура увидел еще одно объявление:

«В условиях финансового кризиса, когда все сокращают объемы производства, наша типография увеличивает выпуск своей высоколиквидной продукции».

* * *

Тем временем во двор въехала кавалькада «Астон Мартинов» и «Ламборджини». За ними автобус. Из второго «Ламбо» вышел Ромуальд Амбидекстрович Кремов, профессиональный депутат, лидер фракции партии «Народная совесть».

Когда-то он тоже жил в этих домах, до перестройки, и знал всех не понаслышке.

– Все на месте, – облегченно вздохнул депутат.

Рома подозвал залакированным ногтем Люлипупенко.

Тот сначала сделал вид, что не заметил. Но когда депутат эффектно оттопырил большой и мизинный пальцы, оказался легким на подъем.

– Слышь, Арно, – сказал тонким голосом, почти пропищал депутат. – Надо организовать наших пацанов на депутатское шоу. Я вот что мозгую. Снимем всех на уборке придомовой территории. Осеннюю листву погоняем. В прямом эфире. «Народный почин», субботник что ли – по призыву партии «Народная совесть». Широкая поддержка всех слоев населения. Репортаж с места события. «Он-лайн», по-русски. Новые свежие лица, новые члены, обширный электорат...

– А-а-а?

– А я проставлюсь, – упредил вопрос Кремов, – слово депутата.

– Не вер...

– Тогда бизнесмена, – исправился Кремов.

– Лады. Ты только объясни братве, че делать.

– Сымитируйте субботник и хвалите меня и мою партию, но без перегибов.

– Будь спок. Всё будет супер.

– Только без импровизаций и квасного фанатизма, – снова повторил депутат.

– Да, еще один мом. Ни в коем случае не упоминайте имя моего конкурента, лидера партии «Всенародная воля» господина Гжечкина Трифона – неэтично (зря он это сказал).

– Ясен пень. Как фамилия-то евонная, не расслышал? – переспросил Люлипупенко.

– Чья?

– Ну этого, конкурента твоего.

– Не важно, – уклонился депутат.

– Всё. Без вопросов.

– Арнольд, раздавай метлы и лопаты. Вон в «Астон Мартине» лежат сзади на кожаных сиденьях. Перчатки белые не забудьте – всё-таки не в двадцатом веке живем.

Люлипупенко с Шурой Кисельковым, возвратившимся с учебы, направились к указанной машине.

Раздавая инвентарь, Арнольд заставил-таки Кремова авансом налить всем по стопарю.

– Для актерского куражу, – пояснил он.

Но где один, там и три.

...Кремов посмотрел на часы:

– О, через пять минут начинаем. Точно в отведенное время.

Режиссер передачи стал деловито давать указания:

– Оператор, крупный план. Вторая камера – покажешь перспективу. Серый, еще раз микрофон. Не спорь со мной, я сказал, еще раз! Вот так. Потом поговорим. Техслужба (тот самый автобус), проверьте настройки в эфире. Что? В порядке? Ну вот и чудненько. Внимание! Готовность номер один!

Прошли мучительные десять секунд. За это время все вооружились метлами, а Квартет даже надел белый фартук: теперь он достопочтенный гражданин, и с бурным прошлым покончено навсегда.

– Мотор, начали! Трави помалу!

– Мы находимся на субботнике придомовой территории, – бодро начал репортаж журналист, – обычного российского дома в стандартном российском дворе провинциального российского города. Как не вспомнить старые добрые традиции?

Здесь второй оператор обвел объективом вкруговую двор, так что его масштабы показались бесконечными, а количество вышедших на субботник намного превысило численность населения индийского штата Пенджаб.

– Возглавляет почин, как обычно, партия «Народная совесть» – «ум, честь и совесть нашей эпохи», – продолжал диктор. – Самая народная из всех всенародных! Самая совестливая! Многие, если не сказать все жители дома, вышли поддержать инициативы партии, направленные, в первую очередь, на повышение благосостояния простых граждан нашего города. Спросим у некоторых из них, что они чувствуют фибрами души, услышав фразу «Есть такая партия "Народная совесть"» – с этими словами тележурналист поднес микрофон к несвежей физиономии Музыана.

Тот дохнул перегаром, но не в микрофон, а рядом: прямо в бубешник репортера.

Тележурналист зажал нос рукой – сейчас вырвет, вырви глаз. И отполз в сторонку за кусты.

Музыан взял выпавший микрофон в свои руки и начал собственный блиц-опрос соратников.

– Пенсионеры за Крематория, в смысле Кремова, – это студент Кисельков.

– Студенты за Чапаева, – это уже старый пензельтон Малярчук.

– Интеллигенция за Трифона Гжечкина, – это уже Арнольд Люлипупенко (всё напутал, стервец).

– А вас, депутаты хреновы, на галеры, – это уже оператор телевидения, который тоже слегка глотнул, пока Кремов объяснял Люлипупенко, что и как надо делать.

Ромуальд пытался выхватить из рук Музыана микрофон, но тщетно. Еще и навалили в придачу. По-свойски. Куда ему справиться со своим электоратом? Пришлось позорно ретироваться.

Сорвали весь репортаж в прямом эфире. Устроили драку (обычное, вообще говоря, дело, если смотреть телевизор). Режиссер рвал на себе волосы. По всем вероятностям, не в первый раз. Поэтому он и лысый такой.

Хотя другие утверждают: отпиарили Кремова по максимуму. Да и рейтинг канала сильно вырос – всё-таки не примитивный столичный розыгрыш.

Глава 12

11.42

Раздавая задания для самостоятельной работы лицеистам, Савелий мысленно совершил краткий экскурс в прошлое...

Лет двадцать назад он с отличием окончил физико-математический факультет пединститута. Работал сначала ассистентом, потом старшим преподавателем, потом доцентом. Всеобщий респект и уважуха. Так бы и зарос мхом до пенсии. Но тут перестройка. Вихри враждебные и первое громкое увольнение за свободу слова, которую каждый истолковал по-своему: материться можно, материть – нельзя.

Сидел полгода дома без работы, грыз ногти. И тут однажды в банке – пришел старые купюры обменивать – встретил одноклассника своего, Сашу Четверкина.

– Такие люди и без охраны. Какими судьбами, человеке? – воскликнул Четверкин.

– Да вот – купюра рваная. Сказали только в банке и можно обменять. А ты? – обрадовался появлению Сашка Бодуненц.

– Из командировки в Палермо. Сицилия. С симпозиума по обмену опытом. Мешок зеленя привезли на конвертацию... Ты-то где ща воркуешь? Всё там же в педё?

– Нет, безработный.

– Надо же! Кидалово! Кто бы мог подумать?.. А айда к нам, в лицей! Я в него после восьмого класса, когда из школы турнули, откинулся. Напильником помахал, тисы помучал – от звонка до звонка, пока перестрелка-перетерка, в смысле, перестройка не началась.

– А сейчас где?

– Смотрю и присматриваюсь. Авторитет отрабатываю.

– Спасибо, Сашок! Не знаю, как тебя и благодарить.

– И не нужно, – махнул рукой Квартет. – Я ведь к тебе почему так. Потому что ты свой математический талант в школьной форме не прятал и тайком в дневник пятерки свои не получал. Делился со всеми. Щедро.

* * *

К Гунару пришла новая уборщица, пожилая такая дама. Хромала на обе ноги – отложение солей. По объявлению.

– Еле дошла. Дай, отдышусь, – брякнулась она на стул.

– Зарплату? Зарплату будете с пола собирать. Что соберете, то ваше, – криво усмехнулся директор.

«За дуру считают. Не иначе! – надула губы тетя Нюша, но деваться некуда: всё равно прибавка к скромной пенсии нужна. – Подберу каку-нибудь мелочь».

В первый вечер работы она сходила к мусорным бакам и выбросила полиэтиленовый пакет с типографским мусором.

Его тут же на лету подобрали бомжи. Разворошили в клочья.

– Ну-ка, ну-ка, полный пакет разрезанных денег. Погнали в банк. Поди, обменяют на целые, – воскликнул предводитель.

На следующий день бомжи подрулили на «Майбахах» в смокингах с иголки (еле их тетя Нюша узнала) и уже поджидали техничку на том же самом месте.

Через неделю тетя Нюша приезжала на работу на «Кадиллаке»-лимузине в сопровождении многочисленной охраны.

– Это лучше, чем в банке – там условия работы вроде бы такие же: что подметешь, то и твое. Но народ поаккуратнее – редко кто обронит добрую купюру.

* * *

Глядя на тетю Нюшу, директор сделал кой-какие выводы: «Определенные шансы есть. Правда, уборщица уверяла, что выиграла деньги в игровых автоматах. Но кто ж этому поверит: только первоклассники или кандидаты наук».

– Будем работать в три смены, – предчувствуя куш, сказал директор.

– Всё и так затарено ящиками с «деньгами», – возразил зам. – Не жадничай, Гунар.

Забегал знакомый директора, некто Люлипупенко.

– Туалетной бумаги нет?

– Возьми из пачек, сколько надо, – кивнул зам.

Люлипупенко убежал с «купюрами» восвояси.

Директор типографии резанул:

– Теряем темп. Реклама на столбах почти не работает. Нужно внедрять новые схемы работы, новые подходы. Промоушен устроить. Жесткий. Попросту – идти в народ.

– Ну не мое это! И не мое, – захныкали зам и печатник.

– Вэлл. Учитесь, салаги. Сам покажу как надо. Пройдусь по банкам, – и директор взял сумку печатной продукции...

– Деньги принимаете? – спросил директор типографии, просунув голову в окошко кассы банка.

Глава 13

12.45

Отпустив учащихся на перемену, Бодуненц направился в мастерские к кладовщице тете Тосе.

– Я вам чертежи кронштейна откорректированные принес для Прокопчикова.

Тетя Тося попыталась было встать из-за стола, но только заохала.

– Вы что, тетя Тося? – спросил Бодуненц.

– Совсем суставы замучали. Вот, смекаешь, средство знакомые дали – оно одне и помогает.

Тетя Тося достала из ящика стола рецепт от подагры.

Там был намешан диклофенак, деготь, пчелиный яд, настойка бледной поганки, кураре и еще всякая гадость...

– Б-р-р! Даже на палец попадет – так сначала жжет невыносимо, а потом нямеет.

– Дайте и мне капельку, а то колено побаливает.

Кладовщица сняла с полки какой-то темный пузырек с коричневатой жидкостью.

– Попробовал? Ну кек? Жесть?

– Зажгло, спасу нет! – запрыгал от боли Савелий.

– Терпи. Занямело?

– Вроде, да... скорее, всю ногу парализовало до плеча.

И Савелий пошел негнущейся походкой к себе.

* * *

Из дверей соседнего сорок седьмого дома показался Евсеич. Трижды в день выгуливал своего мопса Джеки. С совочком.

– Мы с тобой люди культурные, – говорил он, обращаясь к мопсу.

Песик только кивал ухом.

Глава 14

12.50

Проктер и Гембл заскочили на склад.

Пока мастер Проктер рыскал в чертежах на столе, Гембл ощупывал взглядом полки.

– Вот оно!

И не успела тетя Тося сообразить, как Гембл хлебнул глоток жидкости от ревматизма, после чего передал мастеру. Проктер же вкачал по полной программе.

– Крепка бодяга! – после этих слов у Гембла глаза свело к носу и он, как сноп, брякнулся на листы металла.

Проктер лишь скрежетнул ухом – слабачок еще...

– Ну и как он?

– Отвезли в реанимацию. Будут кастрировать желудок.

* * *

Кассир, не отрываясь от пересчета оставшихся дензнаков, утвердительно кивнула.

– Обменяйте, пожалуйста, тыщу долларов разными купюрами... Свеженькие, – похвастался директор типографии. – Новенькие. Хрустящие. Собственного производства.

Оценив остроумие посетителя, кассирша проверила на всякий случай купюры на всех детекторах, даже на зуб попробовала (для пушей верности) – да нет, не фальшивые.

– Всю ночь печатал, – похвастался Гунар. – Лучше настоящих.

– Юмори, юмори, Петросян! – подыграла кассирша.

– Тут мужик какой-то настоящие деньги принес, говорит, собственноручно изготовил. Хочет сдать за полцены, – сообщил охранник по рации начальнику охраны. Начальник передал информацию помощнику президента. Тот – президенту.

Президент в это время глотал горстями валидол, вперемешку с виски и пересчитывал патроны в револьвере: неотвратимо маячило банкротство и отзыв лицензии. Зарплату врачам-учителям выдавать было нечем. Секретарша, и та нос воротит.

– Что ж вы молчите, придурки?! – взревел он.

Появилась тонюсенькая надежда.

– А ну, зовите его сюда. Срочно!

Президент банка пригласил директора типографии к себе в кабинет и усадил на кожаный диван как почетного гостя. Сам сел рядом, сняв пиджак и галстук.

– Два коньяка! – щелкнул он пальцами секретарше.

– Очень интересно, очень! Вы можете нам дать доллары на реализацию?

– Могу.

– А евро?

– Могу.

– А скидку?

– Само собой. Накопительную. В зависимости от объема заказа.

– Еще два по два коньяка! – снова приказал президент банка секретарше. – И дайте по краевому радио объявление: «Денег хватит всем: пенсионерам, врачам-учителям, кредиторам».

– Слушаюсь, – засуетилась секретарша. У нее снова прорезалось чувство к руководству.

– Срочно развести по банкоматам, – ожил президент. – Навыдавать кредитов... И ипотека. Ипотека!

Учителя впервые получили зарплату в валюте.

Через неделю «Дуби-банк» вошел в сотню крупнейших в России, через две – в десятку, через три тоже в десятку, но в мире. Через четыре – в типографии прорвало канализационную трубу и испортило печатный станок. Это Люлипупенко с братвой в очередной раз скоммуналили вентиль в подвале.

– Деньги стали некачественными, – сказал президент банка. – Расторгаем договор. До восстановления потребительских свойств. Бизнес есть бизнес, мон шер.

Сказал так и улетел с секретаршей на Мальдивы.

С тех пор, если вы обратите внимание, на всех евро слегка размытый рисунок – так называемый у профессионалов «муар».

* * *

В памяти Бодуненца всплыли школьные годы. Незабываемые эпизоды тех лет. Когда они вместе с Квартетом (в миру Сашей Четверкиным) учились в двадцатой школе.

Друг Четверкина и Бодуненца Федотов отличался громогласием (может, болезнь такая, может, врожденное – кто его знает)... Даже если скажет что в треть голоса, учительница морщась зажимает уши руками:

– Федотов! Не ори! От твоих воплей уже голова раскалывается!

К чему это я? А к тому, что в восьмом классе проходили по литературе современную классику советской прозы. И ее интерпретацию в виде постановки ТЮЗа.

Сидят Федотов с Четверкиным на спектакле в десятом ряду. Тихо так, шепотом впечатлениями делятся. Для лучшего усвоения материала (потом сочинение придется писать на тему «Кто он – наш современник?»).

В конце пьесы развязка. Борьба добра со злом в завершающей стадии конфликта. Апогей, так сказать.

Матерый преступник Смуглый, он же по совместительству вражеский шпион, стреляет в положительного героя – отца троих детей милиционера Трещеткина. Финальные семь выстрелов в спину и контрольный в голову.

Милиционер ничком падает на сцену и замирает.

– Убили, – всхлипнула Маша Солонкина. – А вдруг?.. Да нет – точно убили!

Драматичнейший момент. Напряженная тишина в зале! Все затаили дыхание.

И тут.

– Вставай, олух! Че разлегся? Пол-то, небось, холодный? Простудишься, – раздался громкий шепот Федотова, как бы про себя.

Актер, видать, услышал и зашевелился (не очень-то, чай, хотелось ему схватить воспаление легких или банальный цистит).

– Живой он, живой! – радостно загудел зал. – Только ранили!

Актеру пришлось застонать и повернуться набок, подложив руку под голову: поживем, поживем еще, ребята!

Одним словом, классического прочтения пьесы не получилось.

Все остались довольны, кроме Галины Павловны. Она была вне себя.

За эту интерпретацию классики выставили Федотову «два» по литературе в четверти. А заодно и Четверкину как соучастнику. Но главное, что актер до сих пор жив-здоров, чего и вам желает...

– А помнишь, Саня, тот случай с трамваем, – спросил Савелий у Квартета при очередной встрече.

– Еще бы!..

Идет литература, первым уроком. С Галиной Павловной, классной руководителем. Федотова где-то нет – проспал наверняка, как обычно.

– Все на месте?

– Все-е-е!

– А где Федотов?

– ?

– Никто не знает что с ним?

Тут встает Четверкин и, трагически глядя ей в глаза, думая, что скоро засоня Федотов объявится и розыгрыш состоится, «сознается»:

– Не хотел вам говорить, но... Совесть гложет. Сильно. Шли мы с ним вчера по трамвайным путям...

– И? – заглодело в сердце у Галины Павловны.

– Баловались...

– Ну? Дальше!

– Я его и толкнул понарошку.

– Куда? – привстала учительница

– Под трамвай... прямо.

– Вот, вечно ты, – в сердцах откинулась на спинку стула классная руководительница, – учудишь чего-нибудь.

А Федотов в этот день на уроках так и не появился.

Молва по школе разнеслась, что Четверкин на фоне личной неприязни тупо свел счеты с одноклассником.

Вызвали Четверкина к директору: «За хулиганский поступок, повлекший гибель ученика Федотова, поставить "два" по поведению». Это еще к той двойке по литературе. «Одновременно ставится вопрос об исключении из пионеров на торжественной линейке...»

А Федотова всё нет.

Проходит дней десять. Четверкин уже снова октябренок. И... Заявляется... Федотов! Как ни в чем не бывало.

В школу. В понедельник... Все в шоке! Не чаяли увидеть живым. Оказывается, у него просто грипп был. Да и не бродили они с Четверкиным по трамвайным путям, чокнутые что ли? А то все спрашивают: «как выжил?»

* * *

Кстати, про нашу двадцатую школу.

Еще лет пять назад двадцатая школа находилась в районе центрального гетто. Деревянные покосившиеся дома, сочно описанные Пастернаком в романе «Доктор Живаго», окружали школу со всех сторон. Жили в них отнюдь не зажиточные обыватели, а так, многие без прописки со справками об освобождении. В те годы закончили (даже, скорее, не закончили, а просто посещали) эту школу многие лихие люди.

На волне экономического, читай, нефтяного бума земля в центре крепко подорожала. Гетто начали сносить, а на месте лачуг стали вырастать элитные дома новырей.

Педагоги не верили своему счастью. Деньги посыпались с неба как из рога изобилия. Постепенно, не сразу, по мере застройки. Тем более что школа находилась в старинном особняке. Бывшая церковно-приходская, а затем ремесленное училище. На главной улице старого купеческого города. Раньше школу называлась «топкой болотиной», «топляком», сейчас зовут «топовой» – потому как учатся в ней дети одних топ-менеджеров.

Эту школу заканчивал в свое время и Бодуненц, поскольку жил в первом благоустроенном крупнопанельном доме среди деревянных развалюх. И Александр Четверкин (до восьмого

класса), ныне авторитетный бизнесмен. Сейчас он возглавляет попечительский совет школы, в состав которого входят двадцать банкиров, девять газиков, десять нефтяников, пять ценнобумажников, три «электрика», три коммунальщика, один губернатор, один мэр и еще человек двадцать блогеров.

На базе двадцатой школы, которая стала, естественно, называться «Первой отдельной гимназией имени купца первой гильдии Афанасия Бочкина» мецената и филантропа (когда-то он пожертвовал деньги на создание школы), стали проводить ведущие мероприятия города, как-то: балы у губернатора, фуршеты у мэра, международные конференции русофилов, юрятинские форумы, тематические вечера «Дорогами на каторгу в Сибирь», «Тропами Ермака», «Путешествие из Петербурга в Москву через Пермь», «Пермский период у ящеров», «Декабристы, вперед!», симпозиумы «Пермь-Палермо – дружба навеки» и т. п.

А университет, в котором учился Кисельков! Тоже купеческий подарок – бывшая ночлежка, социальная гостиница, по-новому. Все бы ночлежки сейчас такими были. Не говоря уж о том, что в наше время социалки – это отнюдь не шедевры ампира и рококо...

Итак, продолжу. Скажи кто-нибудь год назад, что работаю в двадцатой школе – всё! Кроме глубочайшего сострадания, никаких эмоций бы не вызвал. «Господь терпел и вам велел». Несите свой крест на Голгофу знаний. А тут... косяком повалили дети новых русских! А за ними и спонсорские средства. И имя «Учитель» снова зазвучало гордо. Особенно если это учитель в бывшей двадцатой школе. Да и не учителями они стали называться, а «мэтрами».

Вот что значит «словить удачу». Попасть в колею.

Нужно только не терять веру. И ждать своего звездного часа. Хотя для этого могут и века пройти, и даже тысячелетия.

* * *

На лавочке после удачного депутатского шоу у подъезда сидели Люлипупенко, Музян, Кисельков, Малярчук. Позже подошел Евсеич с мопсом. Квартет отлучился к дяде. Дулепистый побежал на почту за посылкой. К тому же совершенно случайно объявился Паша Серемагин, шлифовщик с завода. Отходит после евротура. В руках Паша вертел квиток с начислениями по зарплате.

– Тупово! У меня уже шесть последних предупреждений. По пьяни. Но не уволят! Даже в кризис. Один на три цеха, – показал пять пальцев Серемагин...

Полученные от Кремова деньги на проставку Люлипупенко использовал строго по назначению.

– Витька я отправил в чипец, – пояснил Евсеичу Арнольд. – Ты как?

– Нормально. Сегодня в игре.

– Пока ждем этого тормоза с «прохладительными» напитками, давайте интеллектуальной разминкой займемся. Вон и журнальчик подле скамейки валяется с кроссвордом недоразгаданным. Оставил кто-то, – и Люлипупенко стал вчитываться в вопросы.

– Часть слов уже есть. Остальные...

– Так, это мы не знаем. Это тоже... И это... А во, шесть по горизонтали: «Французский алкогольный напиток». Пять букв.

– Коньяк?

– Шампанское?

– Вермут?

– Начинается на «Б».

– Боярышник? – озарился Малярчук.

– Я сказал – пять букв!

В битву гигантов вступил Евсеич:

- Бодяга – нет, бормотуха – нет, что тогда?
- А последняя какая? – подал умную мысль Кисельков.
- Э! Для этого нужно разгадать слово из семи букв: «Коробка, баул для командировочных». Первая «Чи».
- Чемодан, – сказал Евсеич, который раньше часто бывал в командировках.
- Верно. Тогда последняя «о».
- Белая! – наконец-то разродился (вышел из интеллектуального ступора) Музян. – Как раз пять букв.
- Бурда! – озарило Евсеича.
- Я сказал – последняя «о», – и Люлипупенко снова погрузился в раздумья.
- Да уж, задачка!
- Бухло! – хлопнул себя ладонью по лбу Люлипупенко.
- Издеваешься? – хмыкнул Шура.
- Почему? Всё сходится: пять букв, первая и последняя.
- Посмотри, а еще какие буквы есть?
- Можно букву в середине отгадать. Имя Достоевского? Пять букв – третья наша.
- Митя?
- Вася?
- Я сказал: «Пять букв».
- Тогда – Дмитрий! Не-не-не – тут шесть букв.
- Рохля, Рохля ему имя! – восторженно вскрикнул Арнольд.
- Рохля Достоевский что ли? – недоверчиво спросил Музян.
- Точно. Он. Тогда «х» в середине и однозначно «бухло»! – засветился радостью Люлипупенко.
- Сомневаюсь. Сильно сомневаюсь, – заспел Кисельков.
- Кстати, я не туда посмотрел, – успокоил Шуру Арнольд. – Имя Достоевского по горизонтали – соседнее слово. А здесь фамилия известного художника, автора живописных полотен об Индии. Имя Достоевского начинается на «ф» и кончается на имя этого художника. Пять букв.
- Феоктист?
- Федул?
- Фома?
- Фальстаф?
- Феофан?
- Фридрих?
- Филарет?
- Фантоцци?
- Фенимор?
- Фантомас?! – стали по очереди перечислять знакомые имена мужики.
- Ты, Шура, молодой. Сравнительно недавно школу окончил, должен бы помнить, – мудро заметил Евсеич.
- У меня по литературе выше тройки никогда не было, – парировал Кисельков.
- Лучше позвони другу, – посоветовал Малярчук.
- Серый, ты у нас книголюб. Вспомни, как Достоевского звали? – спросил по сотику Шура.
- Похоже, «серый»-то ты, а не друг твой, – съязвил, обращаясь к Киселькову, Арнольд.
- Федор. Пора бы знать, – проворчал по телефону друган Киселькова.
- Федор. Федор Достоевский? Так просто? Фамилия звучная, а имя как в мультфильме про каникулы в Простоквашино. Часом, не перепутал?

– Ты в школе учился, балбес, или только числился? – рассвирепел друг на другом конце провода.

– Федор, так Федор, – потушил назревающий конфликт друзей Музын. – Тогда фамилия художника на «Р».

– Раб... Рар... Рев... Рен Реп... Репин? – стал перебирать слоги Музын.

– А не Репин? – осторожно спросил Молик.

– Не, Репин про Индию не рисовал, – сморщил лоб Евсеич.

– Тогда кто? Рем... Рюр... Рюрик?

– Ага, Рюрик, дурик! – гулко постучал пальцем по темени Арнольд.

– Рен... Рер... Рерих? – продолжил Музын. – А? Рерих? Вроде был такой художник?

– Какой к черту Рерих? – разъярился Люлипупенко, – Рохля! И всё тут!

– Точно Рохля, другой про Индию писать не станет, – азартно заблестели глаза у Малярчука.

– Леший дери, пусть будет Рохля, – смиловивился Кисельков, понимая, что ничего никому не докажет.

– Б, х, о.

– Тогда буква «Хы» в середине. «О» – последняя.

– Б-х-о... Б-х-о... Бах... Бех... Бих... Бох... Бух... Твою так! Кроме бухла ничего в голову не идет!

– Да точно «бухло»! Че я вам давеча втирал? Всё не верили – звучит по-нашенски, говорю я вам! – засветился радостью Люлипупенко.

– А у них, францисков, скорее, музыкальнее – «бюхло», как-то так, – подыграл ему Кисельков.

Что спорить с дилетантами?!

* * *

С почты вернулся Дулепистый с посылкой от тети из Архангельска и квитком уведомления:

– Опять весточку получил от садового товарищества.

Нынче совсем неурожай, а деньги за дачу дерут, как с бразильского кофейного плантатора.

– С Пеле что ли? – взрыхлил свои «энциклопедические» познания Арнольд.

– Задолбала эта дача! Одни сорняки целый день рвешь.

– А другие жуешь, – слету подхватил мысль Дулепистого Музын. – То ли дело здесь, у нас, на скамейке – блаженство.

– Согласен.

– Ну, раз согласен, беги за ГСМ в чипок. Догоняй Виталяя. А то расплещет по дороге.

Тем временем Арно стал рассуждать вслух.

– Слов этих ненашенских развелось. На каждом углу. И обозначают незнамо что. Прочитаешь, как полагается, а у них смысл другой оказывается, подчас совершенно противоположный. В качестве доказательства он привел такой пример:

– Приспичило недавно. Сильно. После суши-бара. Ищу туалет. Нигде нет. Как назло. И тут... По-французски еще со школы спикать не разучился. Читаю: «Call-centre». О, то, что надо! Забегаю. Нарядные девушки за прозрачными перегородками, мол, смотри – любуйся, пока очкуешь. Бумага белоснежная в пластиковых поддонах, всё как полагается. Вот это Европа! Уровень пять-семь звезд, не ниже. Интернет-сортир. Рекламка опять же. На актуальную тематику. «МТС» всякое, «Билайн», «Мегафон»... Типа, звони, раз не в движении. Наслаждайся общением. Идиллию вдруг прервали вопли сотрудниц. Они как завизжат, увидев, что

я уединился в кабинке. Вернее, не сразу, а после того как какой-то посторонний запах почуяли и звуки далекие от хроматической гармонии. На шум выскочили двое лысмордастых охранников и вытолкали меня вшаей на улицу. По всей видимости, не прошел фэйс-контроль, – грустно резюмировал Люлипупенко.

* * *

Виталек и Дулепистый возвратились с полным застольным набором:

- Здесь нужна твердая рука.
- Музына давай! – вспенилась братва.

Музын отсчитал всем поровну, без обид. Потому и было у него почетное звание «капель-мейстер» – в честь умения разливать ровно по триста капель.

Клюкнули. В паузе между тостами каждый постарался поделиться своим наболевшим.

– Выписали мне тут лекарство одно, гаят, хорошее, – Малярчук пристально посмотрел сквозь очки на коробочку, которую вытащил из кармана.

– «Це-ру-кал», – прочитал он по слогам. – «Церукал».

– «Церукал» – это про ихнее ЦРУ. В точку, – растянул улыбку до ушей Люлипупенко.

Малярчук:

– Не могу понять одного. Месяц болею. Рентген сделали, УЗИ сделали, томографию сделали. Всё плохо. Ни одно лекарство не помогает. Две рюмки замахнул. Как рукой.

– Народное средство!

– Слышал, Арно? В баре на «Булке» новая услуга – экспресс-доставка. Скажем, взял на грудь лишку... «Хоп, лэй, ла-ла, лэй» – звонок в дверь:

– Ваш паспорт. Распишитесь. Не забудьте дату и точное время поставить.

Жена вытирает мокрые руки о фартук. Чик закорючку. И ей к двери приносят мужа, перевязанного бантиком. Пьяного вдрызг. Вот это сервис!..

– Банков сейчас стало больше, чем аптек. А тех, соответственно, чем продуктовых магазинов. И названия у всех с претензией, так я кажу. Надо же: «Лефортовский банк»! Каземат из казематов. Тогда еще «Бутырка-банк» или банк «Кресты», или «Владимирский центральный» банк – «ветер северный...»

– А я тут рекламку недавно на троллейбусе вычитал: «"Дуби-банк" – ваш деловой партнер». А ниже, это уже предупреждение от троллейбусного парка: «Соблюдай дистанцию!» Другими словами, банк этот обходи за километр...

– По телеку сказали, скоро генетики мамонта по волосам выпавшим восстановят.

– Ага, разводить начнут в Якутии для бивней.

– Вместо оленей.

– Точно!

– Чукча на мохнатом слоне – круто!

– А упряжки из гиен.

– Огненных...

– Помнишь, в девяностые пили газировку «Напиток "Серино"» завода безалкогольных напитков «Блю Вотс» по лицензии фирмы «Дохлер», – вытащил из кармана Евсеич мятую этикетку. – Такое выпьешь – сразу престаившись!

– К «ножкам Буша» наконец-то подобрали турецкие ботинки...

– Компьютерный дефолт – «Windows 98»...

– На «Дэву Матиз» ехала какая-то дева лохматис...

– Пацаны, в городе ресторан открылся – бесплатный хавчик. «Халява» называется.

– Ага, иди, попробуй. Мигом посадят на суммы, теньге или типа того. Похлеще доллара будет.

– Это узбеки открыли. Но в названии «Халва» кто-то вписал букву «я» посередине. Вот тебе и «Халява». А если специально организовали рекламный ход, чтобы народ валом повалил. У нас любят всё нахаляву... А там, как говорится: «Мавроди сделал свое дело, Мавроди может уйти...»

* * *

Посидели нормально. Теперь нужно вести подготовку к вечернему «форуму».

Кто мог еще передвигаться (Малярчук с Витьком) собрали пустые бутылки и направились в киоск, чтобы сдать их.

Во двор тем временем въехал навороченный мобиль. «Порше Кайен» в махровом тюнинге.

– Разъездились эти «поршивцы», ни проехать, ни пройти, – зло сплюнул Евсеич.

По кромке тротуара балансировали Витек в обнимку с Малярчуком и пакетом пустых бутылок. Гагулька слегка шатнуло в сторону дороги, и он стукнул крыло «поршивца» своей ношей.

– Че ща будет? – зажмурился Малярчук.

Из автомобиля вывалился мэн.

– Эй вы, алкаши недоделанные, – взревел стриженный затылок, – кто мне заплатит за капремонт?!

– Он, – показал куда-то в небо Малярчук.

– Кто «он»? Всевышний что ли?

– Тогда он, – перевел Малярчук (Всевышний) палец на Витька-Гагулька. И замер по стойке смирно, руки по швам. Знает устав, пенсионер!

– Это ты мое авто, чувыр... Витек – ты?!

– Саня? Водник?! Сколько лет! За одной партой. От гудка до гудка.

– Жив, курилка!!

И они трижды на глазах парализованного Малярчука обнялись по-братски.

– Тару собираешь? Молодец! Это правильно. Не бросай. Верный бизнес. Я вот так же, как ты сейчас. Квасил. Беспробудно. Неделями. Годами. Потом одномоментно сдал бутылки и... скупил «Газпром». С потрохами. Акции его тогда упали. А бутылки всегда в цене, соображаешь? Щас олигаршу по мере... Пойдешь ко мне коммер... нет-нет-нет, извини, финансовым директором?

– Я ж не экономист.

– И не надо.

– Главное, пить очень много приходится, а у меня печень уже не та. Пока доведешь клиента до полного подписания контракта, так назюзишься. Тут надо смотреть в оба, иначе он доведет тебя, тогда – труба.

– Можно подумать?

– Не тороплю, но настаиваю.

– М-м-м...

– Всё еще у тебя впереди! – хлопнул по плечу Витька Водник. – Ты свою цистерну пока не допил. Вон и товарища своего возьмешь (в смысле, Малярчука) – референтом.

– А что? Исполнительный дедок. Службу знает.

* * *

Под грибком приходил в себя Шура вместе с Квартетом. Шуре надо было снова возвращаться в университет к четырем часам на одно мероприятие.

Саша в полусне улыбался, а сквозь зубы цедил:
– Пристрелю всех как собак. Вот и все килла-дела!

Кисельков по этому поводу вспомнил аналогичный эпизод, когда ведущая по телевизору, рассказывая о цунами, забыла выключить улыбку. Не понимала, о чем говорит по микрофону. Вероятно, думала о личном.

О чем это я? А о том, что недавно на факультете, где учится Шура, произошел забавный эпизод.

...Позвонили из ректората:

– У вас план не выполнен по технике безопасности.

Декан весьма сурово предупредил заведующих кафедрами: обеспечить стопроцентную явку. Иначе – «сгною на сельхозработках».

Кисельков, как активист друзей природы, тоже должен почтить присутствием производственное совещание.

Хотелось, конечно, скорее во двор к братве, на волю.

...Аудитория на 75 мест набилась битком: за учебными столами сидели и по трое. Шура не предполагал, что столько народу на факультете обитает. Дополнительно притащили стулья, причем не очень целые. Один так подозрительно шатался – никто даже не рискнул на него сесть. Зато поставили сумочки и портфели (на пол нельзя – денег не будет. Которых и так нет).

Было скучно. Народ, зевая, вождельно поглядывал на часы и в натуре клевал носом. Нудила Вивасов заунывно-трагическим голосом вещал о производственных травмах и мерах по оказанию первой помощи.

От нечего делать его однокурсник, старший преп Валя Столетов, начал корчить ему рожицы. Поначалу Вивасов старался не замечать провокаций. Но потом (интересно же!) любопытство взяло верх, он не выдержал-таки, скользнул взглядом... И всё! В момент рассказа о признаках открытого перелома Вивасов застонал от приступа хохота на весь зал.

Все моментально проснулись и с отвисшими челюстями уставились на доцента. Ненормальный. Шизик! Садист! Кто бы? Кто бы мог подумать?!

Вивасов готов был испепелить провокатора!

Но это не единственный, а всего лишь заключительный эпизод того собрания. А сначала...

Собрание давно уже началось. Вдруг, откуда ни возьмись, появляется доцент Мопова. «С занятий» (ясно, из магазина). Подзадержалась. Стоит бочком у двери. Оглядывает пространство: нет ли свободных мест. О! Есть один симпатичный стульчик в проходе. Правда, на нем покоятся чьи-то вещи. Не вопрос. Вещи можно и убрать.

Воспользовавшись паузой, пригнувшись, как старый партизан, быстренько перебежками до него. И села. Почти.

Бы-быц! – стул распался на четыре части.

Мопова в середине на полу между ножками и спинкой, но на сиденье, словно Михаэль Шумахер на спортивном болиде.

Вместо того, чтобы оставить всё как есть – ей эстетику подавай. Собрала стул и аккуратно поставила между рядов. А на него снова положили сумочки. Будто так и надо. Ой, зря! Не успела стихнуть волна истерического смеха, в аудиторию врывается профорг Зулягина и тут же стремглав ориентируется в обстановке. Мест свободных нет. Но тут, о, чудо, один стул стоит ее, родимую, дожидается. Она пригнувшись с «извините-с», «разрешите», «прошу прощения» ринулась к нему через весь зал. Весу в ней килограмм сто двадцать и более.

Никто не успел даже моргнуть глазом, как она со счастливой улыбкой плюхнулась на злосчастный стул.

Раздался страшный треск и звук схода лавины.

Мебель распалась на мелкие кусочки. Зал скрючило второй раз. Буквой зю...

Повторяю, тема была серьезная – производственные травмы. Но судя по реакции зала, наш народ – большой любитель черного юмора. Столько хохота своды аудитории за всю свою историю не слышали. Короче, получилась не тема, а шоу Михаила Задорного.

Собрать изделие потом не удалось. Вес, сами понимаете. Пришлось списать. Профорг же выбила себе по линии профкома путевку в санаторий «Ключи» от болезней тазобедренных суставов, хотя неизвестно, кто больше пострадал: она или стул. А Вивасов до сих пор на Столетова зуб точит, раскусил его нутро.

Глава 15

12.52

– Александр Леонхардович! К вам новый преподаватель. По столярному делу.

В дверь бодро протиснулся невысокого роста худенький вихрастый паренек.

– Сеня. Важник, – отрекомендовался он.

– Вот есть фамилии, к которым сразу испытываешь почтение, а не Бодунец какой-нибудь! – воскликнули Их Величество. – Зайдите к Антонине Велюровне (тете Тосе) на склад за рабочей одеждой.

Глава 16

13.10

– Как я топерь без мази? – запричитала тетя Тося.

– Сейчас че-нибудь сообразим, – зачесал репу Проктер. – Пойду достану из ушей Прокопчикова носки, авось подмогут. Жаль, не сообразил Глебу носки вовремя в дышло сунуть!

Через пятнадцать минут приходит с носками. Держит осторожно, словно реликвию, в полиэтиленовом кулечке.

– Насморк у Прокопчикова исчез бесследно. Оказались уже у Кофейни. Аритмии как не бывало – кварцевые часы «Ролекс» по сердцу сверять. И до кучи слух и зрение восстановились. А до него у Тимофеича-гипертоника: давление упало до критического минимума, еле откачали беднягу.

Тетя Тося нацепила носки Бодуненца на поясницу.

Боль как рукой сняло! Только угорела малость – привалилась к стенке поленом.

В таком положении и застал ее Сеня Важник, направленный директором за спецодеждой. Пришлось выписать женщине нашатырного спирту...

– Где их Величество? – спросил Бодуненц у Люси после очередного срочного вызова «на ковер».

– В опоедальне (в смысле, во втором овальном кабинете для отдыха и досуга).

Глава 17

13.25

– Где вы изволили шлындать? – взревел голосом дикого кабана Кольцов, после того как секретарша соединила его по селектору с Савелием.

Подобными трубными воплями Его Великолепие обычно нагуливало аппетит перед трапезой.

«Опять не в духе, – горестно вздохнул Савелий. – Вот в прошлом месяце пруха была. Они по путевке военкомата "парились" в лагерях. Тишина. Зато после сборов, неделю назад, Их Величество, полное эктоплазматической энергии, с утроенной силой взяли за Бодуненца. При этом Они сказали: "Как Мы отдохнули от вас..."»

* * *

Во двор, истошно ревя сиреной, въехала машина «Скорой помощи». Машина тормознулась напротив грибка, и из нее выскочила дородная мадам.

Врачиха:

– Родненькие, тут к нам алкоголика одного (а это, думаю, вы догадались, был Гембл) в реанимацию доставили. Потравился какой-то жуткой гадостью. Нужна кровь с аналогичным резус-алкогольным фактором. Вольешь им чистую – кранты. Ломка начнется. Донорами будете? Всем бесплатный компот за мой счет.

– Лучше пиво в смеси с водкой.

Врачиха на секунду наморщила лоб:

– Ратуйте, ваша взяла! Согласна на все условия... Спасать человека надо!

Глава 18

13.30

Их Величество послали Бодуненца в гастроним. Но не за пивом, как обычно. А по делу.
– Найди токарей с завода, – напутствовали Они. – Надо важный правительственный заказ отработать – вентиля в бойлерную президента из «латунного золота».

...В скорости подали обед. Их Величество отобедали прямо за ломберным столом. Рост-биф в белом винном соусе с артишоками и бургундское. Стандартный набор. Ничего экзотического.

Глава 19

13.35

– Зайду на склад. А вдруг мои носки, наконец, объявились.

Той же негнущейся походкой Бодуненц проследовал в цокольный этаж.

– Тетя Тося, где мои носки? Мне сейчас в гастроном по Их Высочайшему велению идти.

– Знаешь, Савелий, я их секретарше нашей, Люси, отдала – выпросила, трясогузка. У нее молочница которую неделю не проходит.

Бодуненц снова пошагал к секретарше.

Глава 20

13.40

Бодуненц спросил у Люси:

- Где мои носки, не подскажете?
- Ваши? – зарделась секретарша.
- Мои, – потупившись повторил Бодуненц.
- Не знаю никаких носков.
- Тетя Тося сказала, что вам отдала.
- Хочешь не хочешь, пришлось сознаваться.

– Совещание... расширенное недавно закончилось у Александра Леонхардовича... Один из них отдала директору соседнего колледжа – у него воспаление толстой кишки – поносить на часик, а другой – нашему генспонсору – директору завода сантехизделий – от мужского бесплодия. Может, поможет.

* * *

Однажды летом Люлипупенко сидел на крыше дома – ночевал в этот раз на шифере. Было утро. Солнышко пригревает. Птички поют. Лепота!

И тут смотрит: снайпер в него целится. От соседнего дымохода. Из винтовки с монокулярном. Как в том году. Знать, очередной партбосс наездом, и по всему маршруту движения рассадили «альпийских стрелков».

В предыдущий-то раз пришлось с крыши камнем. Еле жив остался. Но тогда дом двухэтажный был. А тут – девяти. Вряд ли уцелеешь, даже если с большого бодуна.

Люлипупенко присмотрелся к снайперу.

Всё как полагается: униформа, шапка с прорезями, перчатки с вырезами под пальцы. Винтовка с глушителем. Рация. Бинобль. Естественно, закуска, выпивка всякая – полежи-ка на палящем солнце и холодном ветру. С почками шутки плохи.

- Свои. Не стреляй, – поднял руки кверху Арно, – отстал от части.
- Долой с крыши, – «промяукал» одними губами снайпер.
- Я те че – десантура? С девятого этажа прыгать?
- Долой с крыши, кому говорю, – снова зашевелил носом военспец и стал щелкать затвором.

– Вот засада! Конец, знать, пришел. Не думал, что так скоро...

И тут снайперу что-то по рации передали. Тот круто развернул ствол.

Люлипупенко бы схватиться на чердаке. Но уж больно халявной опохмеляги захотелось. Он в одну перебежку оказался рядом со служивым.

– Братан, а и я не с пустыми руками. Рыбка сушеная. Вобла. Снял с веревки на чердаке. Там у соседа с тридцать восьмой целый рыбзавод вялится.

Кто ж откажется от такой амброзии? В армии, поди, тоже люди есть, а не танки одни.

– А шут с ним, с президентом! Ничего ему не делается. По Ванге и Глобам – всё чисто. Еще два срока. Астрология – это круто. Кабы по ней жили – никакой «котоклизмы»!

- Держи флягу.
- О, шнапс! Трофейный?
- Не. Гумпомощь от НАТОвщиков. Не наша, конечно, «Столичная». Но для крыши и такая сойдет.
- «Столичная» – водка отличная, – продекламировал Арно...

– Отпадно провели время, – подытожил Люлипупенко. – Природная смекалка не подвела. Обменялись телефонами... Снайперу недавно генерала дали. Досрочно. За безупречную службу. Звонил. Хочет еще разок на крыше собраться вместе с генштабом – обмыть это дело. Вот и я говорю, астрология – вещь!

* * *

Как-то на неделе Артемка предложил отцу:
– Давай, ракету запустим китайскую. Потренируемся перед Новым годом.
– До Нового года-то еще уйма времени.
– Нужно всё делать заранее – сам учил, чтобы не опростоволоситься в праздник.
Делать нечего – мальчика не переубедишь. Благо, что закуплено ракет – целый ящик. Не солить же. Да и в расход надо своевременно пустить. От греха подальше.
– Олл райт, штучки три вжахнем. Но в безопасном для детей и прохожих месте.
Первая ракета с воем ушла в звездное небо. И там потерялась в глубинах космоса, оставив спиральный дымовой след. Вторая – тоже.
«В туманность Андромеды», – подумал отец.
Третья – прицельно на седьмой этаж в лоджию к Малярчуку (сидел-курил) – прямо в лоб. Ну как после этого пижама будет сухой?! Постоянно какие-нибудь неприятности.

* * *

13.41

Отобедав, Их Величество в очередной раз вызвали Важника к себе: лицезреть, как тот смотрится в новой форме.

– Ну-ка, покажись, молодец... Молодец! Исполнительный парень.

– Не смотри на меня так, – доверительно похлопал Кольцов Сеню по плечу, стараясь дышать в сторону. – Во время обеда чуть-чуть перебрал, легкий бодунец. К слову, принес (имелась в виду копия аттестата)?

Сеня озабоченно закрутил головой: «Что должен принести, убей не помню?..»

– А-а-а! – догадался он. – Сию секунду.

Важник кинулся вниз. Забежал к Савелию. Схватил горячий электрочайник с водой. Стукнул им Савелия по голове. Бодунец сразу отключился.

Сеня подхватил Савелия и бросился с ним на плече к директору.

– Ничего себе «легкий», – сопел он, поднимаясь с Бодуненцем вверх по лестнице.

– Вот, – кинул Важник геометра на диван.

– Что это? – замахали ресницами Их Величество.

– Бодунец, как просили.

Их Величество тоскливо посмотрели в окно: «С кем приходится работать!»

– Товарищ Бодунец! Самуил Левиафанович! – осторожно потянул Савелия за лацкан пиджака Важник.

– Савелий Самойлович, – поправил оклемавшийся Бодунец.

– А я как сказал? Вы извините за чайникоприкладство. Переусердствовал малость. По неопытности.

...Бодунец окончательно пришел в себя и потащился по заданию директора лицея через дорогу в гастроном.

Кроме головы снова сильно заныло колено.

– Нужно УЗИ сделать, – посоветовал знакомый хирург, – не исключено, мениск сместился.

Глава 21

13.50

В гастрономе в винном отделе стояла разномастная толпа мужичков.

– Заводчане есть? – зычно крикнул Бодуненц.

– Все заводчане, – загудела толпа.

– Нет, не все. Я – за коньяком, – откликнулся один.

– Ты?! – Белая ворона, вернее, темно-коричневая!

– Уточняю вопрос: токари с завода есть?

– Есть, – лязгнуло челюстями человека три.

– Кольцов просил на шабашку. Хорошо заплатит. Звонко. Монетой, – протрубил Савелий.

– Издеваешься ли че?

– Почему?

– Ты у собаки кость когда-нибудь вырывал из пасти во время трапезы?

– Нет, – смутился Бодуненц. – Но могу предполагать, чем это заканчивается.

– Тогда уйди, ботаник, миром просим, а то покусаем!

Придется уйти несолоно хлебавши.

– Ааа, пойду в нашу столовую. Наемся. В смысле, нахрюкаюсь, как говорят мастера.

* * *

Кисельков был на факультете командиром. Общественным боссом. Общество называлось «Юные экологи природы».

– В чем заключается ваша деятельность? – как-то спросил Евсеич из чистого любопытства.

– Ну-у-у, – задумался Шуран, – она многогранная. Одним словом не опишешь.

– И всё-таки?

– Например, отслеживаем тех, кто ветки на деревьях в детском парке ломает. Кроме того, приколачиваем таблички «Берегите лес – источник кислорода».

– И много наколотили?

– Да почитай, штук сорок, почти к каждому стволу... А накануне прошлого Нового года с сокурсниками отлавливали нелегально вырубавших в лесу елки.

– Скольких поймали?

– У-у-у! Не сосчитать.

– И чем вас начальство отблагодарило?

– Супер! Студком выдал нам лицензию на отстрел лося, – гордо похвастал Шура. – Вот теть радовался! Как ребенок.

– Защитнички природы, елки зеленые! «Гринпис», твою дивизию!

Глава 22

14.00

После ростбифа у Их Величества сильно разболелись зубы. Хоть на стенку лезь.

– Иди к врачу, – посоветовала жена.

– Лучше застрелюсь. Из гранатомета, – сжался в комок Кольцов.

Сильно Они боялись стоматологов. Как огня.

Но Их жена Зеландия Львовна, несмотря на резкое противодействие мужа, вызвала врача. Прямо в кабинет.

Врач пришел с походным чемоданчиком.

Благодаря настойчивым уговорам Леонхард Аристархович открыл-таки рот.

– Вот это траур, – воскликнул врач, засунув зеркальце. – Да тут проще обе челюсти достать и заменить полностью... Или, на худой конец, отремонтировать на фрезерном станке в заводских условиях.

После таких слов челюсти у Их Величества сжались, как у бультерьера вместе с инструментом и ладонью стоматолога.

Освобождали руку всем коллективом лица с помощью восьмитонного домкрата. Инструмент, правда, не восстановишь – перегрызен пополам в нескольких местах. Да и сорок уколов от бешенства врачу тоже ставить придется ежедневно по одному.

Вот тебе и отпуск в Гаграх!

Глава 23

14.01

В столовую Бодуненц, конечно, опоздал. В ней по расписанию был обеденный перерыв... С двух до четырех. Для персонала.

За двумя сдвинутыми столами сидели женщины в белых халатах и смачно уплетали блины с икрой и севрюжий балычок. На столе красовались бутылки беленькой и пива «Стрела Амура».

Бодуненц решил подлизнуться.

– Приятного аппетита, работники общепита, – обратился Бодуненц к столовым людям, надеясь на сострадание.

Те застыли с туго забитыми ртами. Чуть не подавились.

И не поймешь, кто из них благодарит, а кто посылает.

– Не найдется пару сухариков для голодающих сотрудников лица?

– Че не видишь али как: у нас законное время харчевания?!

– Вижу, не глухой.

...И все с новой энергией захрустели челюстями. Таким испортишь аппетит!

Придется ползти домой – доедать вчерашнюю гороховую кашу с постным маслом.

* * *

Как-то вот также однажды летом Бодуненц возвращался домой в обеденный перерыв. Настроение почему-то было романтическое. Воздух летний душистый. Но сыровато. После дождя. И тихо. Безветрено. Внезапно нахлынул туман. Густой. В двух шагах ничего не видно.

Савелий приостановился. Наткнешься на кого-нибудь невзначай. ДТП. С последствиями разной степени тяжести.

Слышно вокруг тоже голоса разные. Знать, люди аналогично ориентацию потеряли.

Потом он стал потихоньку двигаться, хотя непонятно, к дому или, наоборот, в сторону лица.

Вдруг кто-то схватил Савелия за плечо. Крепко так.

– Это я – Сивый. Вчера на Лиговке вместе банк брали. Вот ты где, Профессор. А то как ушли от ментовской погони, так и потеряли тебя. Думали, пришли в перестрелке, архангелы. Ты, я смотрю, пластику сделал. Молодец! Только по ботинкам тебя и узнал... Лымарь просил деньги передать и камушки на пятьдесят тысяч баксов – твоя доля. Всё по чесноку, – с этими словами Сивый вручил Бодуненцу увесистый саквояж с деньгами (который Савелий отдал жене на хранение, куда она потом его сховала, шут ее знает) и растворился в дымке.

– Самоил Савельевич! – раздался откуда-то голос.

– Нет, Савелий Самойлович, – оглянулся Бодуненц.

Голос, перепутавший имя с отчеством, также быстро умолк, как и возник.

– Савян? Ты? Сколько лет, сколько зим! Не узнаешь? Твой друг в детсаду Ваня Долдонин, – получил щелбан сверху Бодуненц. – А ты знаешь, я ведь тебя уже простил за ту игрушку. Почти. Понял, не мог ты ее тогда сломать.

– Ты, стало быть, несколько десятков лет на меня дулся? – удивился Савелий. – А где ты теперь живешь? Ни разу не видел тебя после садика.

– Там же где и жил, на Громовском. В том же доме. В той же квартире.

– Но почему я тебя столько лет не встречал? Хотя работаю в этом микрорайоне в лицее, совсем рядом.

– Значит, не судьба!

И Ваня тут же стремительно растворился в никуда.

– Савелий Савельевич? Вы, батенька?

– Я, – ответил Бодуненц.

Мало ли кто отчество перепутает.

– А мне доложили, что изволили вы в Сызрань уехать, в новой должности «попечителя уездных гимназий».

– Да, кто вы?

– Полноте! Неужто не признали-с меня, голубчик?! Бывший ваш наставник Иван Африканович.

– Не знаю никаких Африканычей-Американычей, – пробубнил Бодуненц. – Папаша, у вас всё в порядке?.. С мозгами?

– Как ты догадался, что я твой настоящий отец?! – схватился за сердце старикан.

– Савелий, ты не забыл, у нас сегодня марксистский кружок на Красной Пресне? – оттянул Бодуненца от дедка за рукав чубастый работяга в картузе и косоворотке, внезапно появившись из тумана слева.

– Сбрендили все что ли по полной, – попытался освободиться из цепких лап рабочего Савелий. И это с третьей попытки ему удалось.

– Ну вот, порвал костюм! – всхлипнул Савелий, осматривая пиджак.

– Я тебе зашью его, Савульчик, не расстраивайся? – прозвучал над ухом чей-то до боли знакомый голос.

– Олеся?! – подкосились ноги у Бодуненца.

Это была его первая любовь еще в школьные годы во дворе.

Савелий страстно схватил Олеся за руку. Нежно прижал ладонь к своей груди. Она склонила голову ему на плечо.

– Всё! Теперь никуда тебя не отпущу и никому не отдам, – воскликнул Бодуненц и чуть не растянулся, запнувшись за развязавшийся шнурок.

– Подожди секунду, – прошептал он, не отпуская девушку. И поскользнулся... Встал. Но было уже поздно. Олеся растворилась в белесой дымке. Навсегда.

Бодуненц стал лихорадочно рыскать по сторонам. Потерять любовь, найти и снова потерять. Это удар!!

Савелий метнулся вперед. Назад. Увидел силуэт. Подбежал поближе. Смотрит: аляповатое костюмированное шоу в латах – бородатый воин с копьем и щитом.

– Послушай, мужик, где тут Непрядва? – обратился служивый к Бодуненцу.

– Какая неправда?

– Река: Не-пряд-ва. Ну, где еще наша дружина во главе с Димитрием?

– Там, – неопределенно мотнул головой Савелий. На всякий случай.

– Спасибо, русич. С нами Бог!

И бородатый мужик исчез с криком «Ура!».

Скоро туман рассеялся...

– Каких только чудес не происходит во время магнитной бури, – констатировал Савелий.

– Ты где ползал, чародей? – воскликнула жена Нина, просунув руку в прореху на рукаве пиджака.

Но Савелий не был склонен к диалогу.

* * *

Савелий надел комбинезон – фрезеровщик Прокопчиков подарил. Списанный. Хороший такой. С карманами. В нем удобно по хозяйству что-нибудь чинить. Пошел сменить лампочку на лестничной площадке – перегорела. Комбинезон не жалко. А то там побелено.

Из одежды у Савелия был единственный приличный костюм. С пединститута остался. Так, в целом, еще можно носить. Только подкладка в нескольких местах прохудилась. И из карманов всё выпадывает. На дорогу... Рукав жена подшила. Вид сносный, будто ничего и не было.

Взял отвертку, плоскогубцы, налобный фонарик. «Профи» да и только!

Предварительно спустился по лестнице на первый этаж к выключателю. Для проверки наличия напряжения в сети.

На лестничной площадке второго этажа в нервозном ожидании стояла какая-то бэбэна.

– А ну, подь сюда! – рявкнула тетеша, узрев Бодуненца. – Почему опаздываешь?!

– Никуда я не опаздываю... вы, вообще, кто?

...Почему Бодуненц вечно попадает в такие ситуации? Лицо у него располагающее. Добродушное. Вот почему!

– Я заказывала. Как договаривались. Тебя и жду. Идем, идем со мной, – и тащит за рукав.

– Чего вам от меня надо? – засопровтивлялся Савелий.

– Я вызывала «мужа на час». По телефону.

– Э, это не по адресу. Я такими делами не занимаюсь. Ищите других желающих.

– За такие деньжищи он еще и нос воротит! Оборзели все. В корягу.

– Сегодня не в форме, – пошел на военную хитрость Савелий, – может быть, в другой раз. Да и не вечер еще.

– Как раз в форме! Что я слепая? – заупиралась бэбэна.

– Ша, матрос! Уговорил, – смягчилась она. – Знаю вашего брата. Так и быть, налью стопаря для затравки!

– Я вообще непьющий. И негулящий, – собравшись с духом, наконец-то скинул женскую руку со своего плеча Савелий. И помчался прыжками наверх.

– Да мне ж только кран подтянуть, да дверной замок подправить, – крикнула вдогонку дама. – И за всё тыща!

– Так бы сразу и сказали, – развернулся Савелий, мгновенно прикинув в уме выгодность предложения. – Еще транспортиров подкуплю для занятий, – обрадовался он внезапно свалившемуся счастью.

Починить кран и дверь было минутным делом. Заодно телевизор подрегулировал (сменил плавкий предохранитель) и стиралку – шланг перетерся.

Женщина так растрогалась. До слез:

– Надо же! Еще на Руси мужики не перевелись!

И хват Савелия за рукав:

– А ну, пошли за стол. Перекусишь. Там и коньячок армянский припасен, и салаты всякие, и десерт, – а сама источает фонтаны чувственной энергии.

Савелий, наконец, отважился разглядеть лицо заказчицы и онемел: та еще красotka! Спустилась прямо с обложки модного журнала...

В это время звонок в дверь.

Открыли. Входит миловидная, да что там миловидная! Просто сногшибательная (!) девушка в комбинезоне.

– Слесаря вызывали?

– Всё уже сделано. До вас и за вас!

- Извините, но я пришла в точно назначенное время.
- Что у меня еще и часы вперед? Точно! Не перевела на зимнее время.
- За вызов в любом случае придется заплатить. А вас, мужчина, можем пригласить к нам на подработку в качестве специалиста высшей категории.
- Это она так сказала после того, как женщина-заказчица расхвалила Савелия до небес.
- Спасибо, конечно, но у меня есть пока основная работа.
- У вас пока, а у нас всегда!
- Да? А что сейчас женщины этим занимаются? По аналогии с такси «Леди за рулем».
- Нет. Редко. Вот как сегодня. За мужчин фирмы. Спят с бодуна. Иногда приходится... Пока иногда... А могу я рассчитывать? Во всяком случае на вас, Савелий, я могу рассчитывать в будущем? – и девушка «муж на час» засияла чудесными глазами цвета маренго, полными душевного экстаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.